

38. 12. 1910

САДОКЪ
СУДЕЙ
II.

Находя всё нижеизложенные принципы цѣльно выраженными въ I-мъ «Садкѣ Судей» и выдвинувъ ранѣе пресловутыхъ и богатыхъ, лишь въ смыслѣ Метцль и К^о, футуристовъ,—мы тѣмъ не менѣе считаемъ этотъ путь нами пройденнымъ и оставляя разработку его тѣмъ, у кого нѣтъ болѣе новыхъ задачъ, пользуемся нѣкоторой формой правописанія, чтобы сосредоточить общее вниманіе на уже новыхъ открывающихся передъ нами заданіяхъ.

Мы выдвинули впервые новые принципы творчества, кои намъ ясны въ слѣдующемъ порядкѣ:

1. Мы перестали разсматривать словопостроеніе и словопроизношеніе по грамматическимъ правиламъ, ставъ видѣть въ буквахъ лишь направляющія рѣчи. Мы расшатали синтаксисъ.

2. Мы стали придавать содержаніе словамъ по ихъ начертательной и фонической характеристикѣ.

3. Нами осознана роль приставокъ и суффиксовъ.

4. Во имя свободы личнаго случая мы отрицаемъ правописаніе.

5. Мы характеризуемъ существительныя не только прилагательными (какъ дѣлали главнымъ образомъ до насъ), но и другими частями рѣчи также отдѣльными буквами и числами:

а) считая частью неотдѣлимой произведенія его помарки и виньетки творческаго ожиданія.

в) въ почеркѣ полагая составляющую поэтическаго импульса.

с) въ Москвѣ поэтому нами выпущены книги (автографовъ) «само-письма».

6. Нами уничтожены знаки препинанія,—чѣмъ роль словесной массы—выдвинута впервые и осознана.

7. Гласныя мы понимаемъ какъ время и пространство (характеръ устремленія) согласныя,—краска, звукъ, запахъ.

8. Нами сокрушены ритмы. Хлѣбниковъ выдвинулъ поэтической размѣръ живого разговорнаго слова. Мы перестали искать размѣры въ учебникахъ—всякое движеніе:—рождаетъ новый свободный ритмъ поэту.

9. Передняя риѐма—(Давидъ Бурлюкъ) средняя, обратная риѐмы (Маяковский) разработаны нами.

10. Богатство словаря поэта—его оправданіе.

11. Мы считаемъ слово творцомъ миеа, слово, умирая, рождаетъ миеъ и наоборотъ.

12. Мы во власти новыхъ темъ: ненужность, бессмысленность, тайна властной ничтожности—воспѣты нами.

13. Мы презираемъ славу; намъ извѣстны чувства, не жившія до насъ.

Мы новые люди новой жизни.

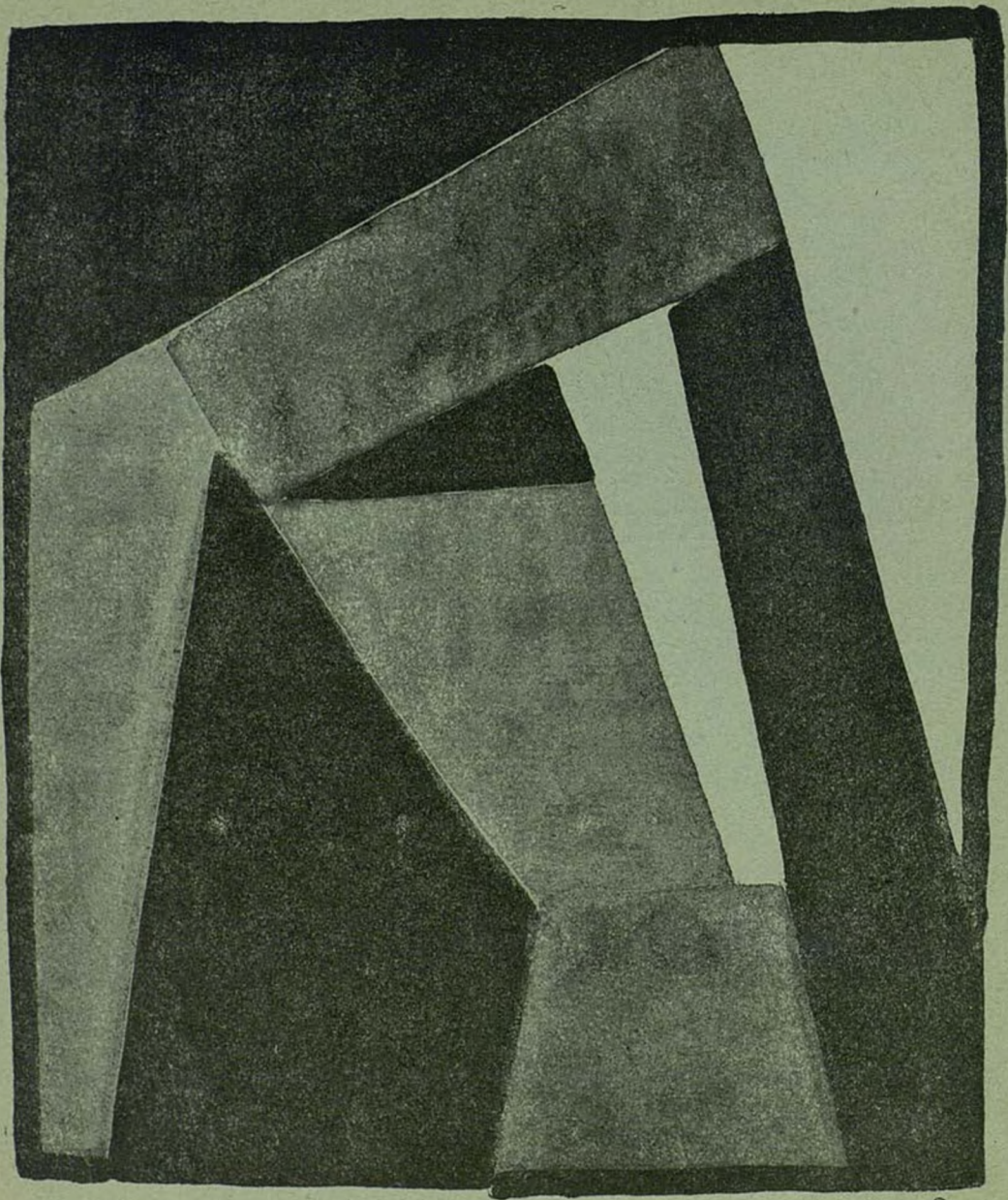
Давидъ Бурлюкъ, Елена Гуро, Николай Бурлюкъ, Владимиръ Маяковский, Екатерина Низень, Викторъ Хлѣбниковъ, Венедиктъ Лившицъ, А. Крученыхъ.

СОДЕРЖАНІЕ.

	стр.
Предисловіе.	1
Бенедиктъ Лившицъ	5
Викторъ Хлѣбниковъ	10
Давидъ Бурлюкъ	44
Николай Бурлюкъ	54
Владиміръ Маяковскій	62
Александръ Крученыхъ	63
Елена Гуро	67
Екатерина Низень	102
Милица (Дѣтск. творч.)	106

Рисунки. Владиміра Бурлюка 2
Наталіи Гончаровой 2.
Михаила Ларіонова 2.
Давида Бурлюка 3.
Елены Гуро 6.

Владимиръ Бурлюкъ.

БЕНЕДИКТЪ ЛИВШИЦЪ.

АКРОСТИХЪ.

А. В. Вертеръ-Жуковой.

Вашъ трубадуръ—крикунъ, вашъ вѣрный путь—повѣса
(Ахъ, пестрота измѣнь—что пестрота колѣнь!)
Вашъ тигръ, сломавши клѣть, бѣжалъ въ глубины лѣса,
Единственный вашъ рабъ—арапъ—клянеть свой плѣнь.

Разувѣренія?—нашептыванья бѣса!
Тревожныя крыла—и въ лиліяхъ явленъ
Едва замѣтный крестъ... О узкая принцесса,
Разгнѣванная мной, вы золотѣй Маленъ:

Желтѣли небеса и умолкали травы,
Утрѣло, можетъ быть, впервые для мевя,
Когда я увидалъ—о свѣжія оправы

Очнувшихся деревъ! о златовѣстье дня!—
Вашъ флорентійскій плащъ, летящій къ небосклону,
Аграфъ трехлилійный и тонкую корону.

Ворзель, іюнь 1912.

ФОРЛИ

Ея же.

За рубежомъ — теченье ясныхъ латъ:
Склонись въ затонъ, живой одними нами...
Надолго ли мы включены въ закатъ
И тонкими владѣемъ именами?

Надолго ли? — о нѣтъ, окаменѣй,
Во мраморѣ зарозовѣй надъ міромъ
Плывущихъ словъ и вѣроломныхъ дней,
Опоена закатнымъ элексиромъ!

Ты улыбнулась: мы обручены
До перваго жемчужнаго укола:
Разводы влаги — кольца тишины,
И облако — твоя романьюола..

СОСѢДИ

Ея же.

Въ сиреневомъ лѣтѣ, въ сиреневомъ дымѣ—
Я вижу! я вижу!—сосѣди
(Въ просвѣтѣ прошедшая лэди
Была въ діадемѣ)
Возносятся бокалы.
Но я ли, усталый
Отъ этой расплаты,
Приму ихъ увядшія крылья,
Ихъ длинныя—длинныя крылья,
И каждый горбатый
Языкъ воскового вина?
Я знаю, что каждая лэди
Уже въ діадемѣ:
Ей снится: въ сиреневомъ дымѣ
Она возноситься должна.
И мнѣ ли—сухія копытца
По лѣстницѣ? Мальчикъ глядится
Въ таблицу изъ мѣди,
Коричневый, широкоскулый,
Въ измятомъ вѣнкѣ бересклета:
Какъ плещется круглое пламя!
Какъ множатся трубные гулы
Иного, широкаго лѣта!
Но никнуть все ниже крылами
Сосѣди—и только одна,
Высокая, въ узкой одеждѣ,
Рукой, удлинившейся въ стебель,
Рукой, расцвѣтающей въ небѣ,
Возносить, какъ прежде, какъ прежде,
Бокаль воскового вина!

СЕНТЯБРЬ.

Александръ Экстеръ

Воспоминанья столькихъ маевъ,
(Мы жили маями!)
Кольцо твоихъ послѣднихъ усть,
(Не будетъ этихъ легкихъ усть!)
Онѣ уйдутъ съ лица, растаявъ,
(Онѣ уже почти растаяли!)
О золото сентябрьскихъ уздѣ,
Невѣрныхъ уздѣ!
Предательскій сентябрь! Нефритомъ
Волнуется мое окно
И каменѣть недопитымъ—
Въ стаканахъ—тяжкое вино.
И все настойчивѣй и пристальнѣй
Мечи вина,
Тяжелые мечи вина,
И пристальнѣй изъ-за окна
Встревоженные мачты пристаней.
— Ахъ, я должна...
— Останься, сжался!...
Волна окна...
Волна нефритоваго вальса...
Унесена... унесена ты
Нефритовымъ виномъ окна...
Сентябрь проклятый!

БЫКЪ.

Отбѣжали... Вышелъ чинно.
Жмешь мнѣ руку, не любя:
Сколько розовыхъ снѣжинокъ
На ладони у тебя!

Тѣ четыре—словно крысы.
Вотъ и красный. Ждетъ съ копьемъ.
Есть еще? Ну что же, высыпь...
Дальнѣй запахъ раны пьемъ.

Это въ шутку, иль опасно?
Замираютъ вѣера...
Онъ за краснымъ! онъ за краснымъ!
Браво, браво, браво, бра...

А!..

СТЕПЬ.

Раскруживайся въ асфодели,
Въ рябья сонмища галчать.
По пеленѣ твоей звучать
Упорныя віолончели.

И луковицы взаперти
Забудь тепличными цвѣтами.
Вздыбься щербатыми крестами
На поворотѣ расцвѣти.

ГИБЕЛЬ АТЛАНТИДЫ.

I.

«Мы Боги» мрачно жрецъ сказалъ,
И на далекіе чертоги
Рукою сонно указалъ.
Холоднымъ скрежетомъ пилы
Распались трупы на суставы.
И мною взнузданы орлы
Взять въ клювы звѣздные уставы.
Давно звѣрь, сильный надъ косулей
Сталъ безъ власти божествомъ.
Давно не бьемъ о землю лбомъ,
Увидя рощу или улей.
Походы мрачные пѣхоть,
Копьемъ убійство короля,
Послушны числамъ какъ заходъ,
Дождь звѣздъ и синія поля.
Года войны, ковры чумѣ,
Сложилъ и вычелъ я въ умѣ.
И, уваженіе къ числу
Растеть, ручьи ведя къ руслу.
Въ его холодные чертоги
Идутъ изгнанницы тревоги.
И мы стоимъ міровъ двухъ между
Несемъ туда огнемъ надежду
Все же самозванцемъ поцѣлуйнымъ
Передъ восшествіемъ чумы
Быль названъ вѣкъ разсудкомъ буйнымъ
Смѣется шутъ, молчатъ умы.

Наукой гордые потомки
Забыли кладбищей обломки.
И пусть намъ поступь четверенекъ
Давно забыта и чужда
Но я законовъ неба плѣнникъ
Я самому себѣ измѣнникъ
Отсюда смута и вражда
Вѣнкомъ божествъ нашъ умъ вѣнчается,
Но, кто въ надеждахъ жилъ, отчается
Ты - звѣздный рабъ,
Родъ человѣческій!
Сказаль, не слабъ,
Разсудокъ жреческій.
И юность и отроки наши
Пьютъ жизнь изъ отравленной чаши.
Съ петлею протянутой столбъ
И бѣгство въ смерти юныхъ толпъ.
Все громче неистовѣй возгласы похоти,
Въ словесномъ мерцающемъ хохотѣ.
О каменный ножъ
Каменныхъ доскъ
— Пламенный мозгъ,
— То молодежь!
Трудился я,
Но не у оконченнаго зданія
Бросаю свой желѣзный ломъ!
Туда, къ престолу мірозданія.
Хочу летѣть вдвоемъ съ орломъ!
Чтобы склонивъ чело у ногъ,
Сказать: усталъ и изнемогъ!
Пусть сиротѣтъ борозда,
Жреца прійми къ себѣ звѣзда.

II.

- Рабыня. Юноша свѣтель
 Небо замѣтилъ.
 Онъ замѣтилъ тихъ и весель
 Звѣзды истины на мнѣ.
 Кошелекъ тугой привѣсилъ
 Дикій стройный на ремнѣ.
 Къ кошельку привѣсилъ ножикъ,
 Чтобъ застѣнчиво и впредъ
 Съ нимъ веселыхъ босоножекъ
 Радость частую смотрѣть
 Съ нимъ пройдуся я, скача,
 Рукавомъ лицо ударивъ
 Для усмѣшки отроча
 Для веселыхъ въ сердцѣ заревъ.
- Жрецъ. Косы властны чернотой,
 Взоръ въ рѣсницѣ голубой
 Кругъ блистаетъ золотой,
 Локоть взявъ двойной длиной.
 Кто ты?
 Съ взоромъ незабудки.
 Жизнь съ тобой шутила шутки.
- Рабыня. Твои остроты,
 Жрецъ, забавны.
 Ты и я, мы оба равны.
 Двѣ священной единицы
 Мы враждующія части.
 Двѣ враждующія дробы.
 Во взорахъ разныя зѣнницы.
 Двѣ какъ мѣръ старинныя власти,
 Беремъ жезль и правимъ обѣ.

Ты возникъ изъ темноты,
Но я болѣе чѣмъ ты:
Любезнымъ сдѣлавъ ядь у ртовъ,
Ты къ гробамъ бросилъ мость цвѣтовъ.
Къ чему товарищъ въ часъ рѣзни?

Жрецъ. Поостерегися... не дразни...
Зачѣмъ смѣешься и хохочешь?

Рабыня. Хочешь?
Стань палачемъ,
Убей меня, ударь мечемъ?
Рука подняться не дерзаетъ?
На части тотчасъ растерзаетъ
Тебя рука дѣтей, внучать,
На плечи, руки и куски:
И кони дикіе умчатъ
Твой трупъ разодранный въ пески.
И, воронымъ тѣмъ табуномъ
Богиня смерти, гикнувъ, править.
И трупъ, растоптанъ скакуномъ,
Глазами землю окровавить.
Вѣдай знай: самъ Богъ земной
Схватить бѣшено копье
И за честь мою заступится.
Ты смѣешься надо мной,
Я созвучіе твое
Но убійцы лезвее,
Наказаніе мое,
Цѣной страшною окупится.
Узнаетъ городъ ста святомъ,
Предъ чѣмъ чума есть только грошъ.
Замажешь кровью птичьи гнѣзда,
И стануть макомъ всѣ цвѣты.

И молвятъ люди, скажутъ звѣзды,
Быль справедливо каранъ ты.
Слѣдъ протянется багровый
То законъ вещей суровый
Узнай, что вѣра — нищета,
Когда стою иль я, иль та.
Ты, дыханіе чумы,
Веселишь рабынь умы!
Съ нимъ же вмѣстѣ презираю
Путь къ обѣщанному раю
Ты хочешь крови и похмѣлій!
Рабыня я ночныхъ веселій!

Жрецъ. Довольно,
Лживыя уста!

Рабыня. Мнѣ больно, больно!
Я умираю, я чиста.

Жрецъ. Она красива умерла
Внутри волосъ златыхъ узла.
И какъ умершая змѣя
Дрожать рѣсницы у нея.
Ея окончена стезя.
Она мечемъ убита грубымъ.
Ни жить, ни пѣть уже нельзя.
Плясать, къ чужимъ касаться губамъ.
Мечъ сталъ сытымъ кровью сладкой,
Полоумной святотатки
Умирающей загадкой
Ткань вопросовъ стала краткой.
Послушный рабъ ненужнаго усилья!
Сложи, о коршунъ, злыя крылья!
Иди же въ ножны, ты не нуженъ.
Тебя насытилъ теплый ужинъ,

Напился крови до пьяна.
Убита та,
Но гдѣ она?
Быть можетъ мести страшный храмъ?
Быть можетъ здѣсь, быть можетъ тамъ?
Своихъ обидъ не отомстила.
И, умирая не простила.
Не такъ ли разумъ, умерщвляетъ,
Верша властительный законъ,
Побѣги страсти молодой?
Та умирая, общаетъ
Взойти на страшный небосклонъ
Возмездья красною звѣздой!

III.

Прохожій. Точно кровь главы порожней
Волны хлещутъ, волны воють
Нынче громче и тревожнѣй.
Скоро пристань воды скроютъ
И хаты, крытыя соломой,
Не разъ унесъ могучій валъ.
Свирѣльщикъ такъ, давно знакомый,
Мнѣ ужасъ гибели игралъ.
Какъ будто нѣдра раскаленные
Жерлъ огнедышащей горы,
Идутъ на насъ валы зеленые
Какъ люди вольны и храбры.
Не какъ прощальное привѣтствіе,
Не какъ сердечное «прости»,
Но какъ военный кличъ и бѣдствіе
Залились водами пути.

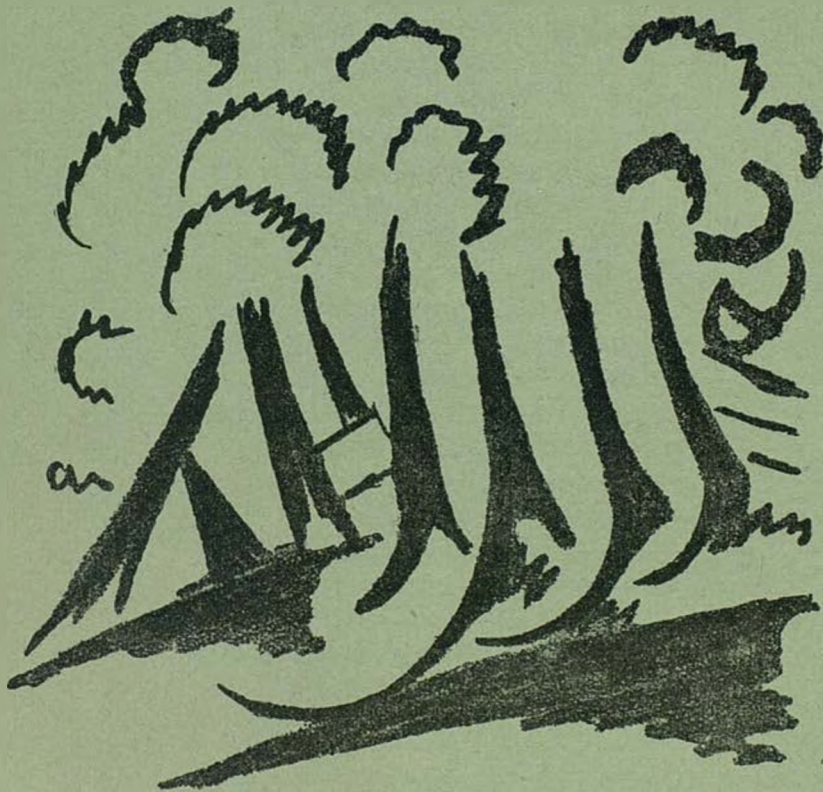
Костры горять сторожевые
На всѣхъ священныхъ площадяхъ
И вижу, ѣдутъ часовые
На чолнахъ, лодкахъ и коняхъ.
Кто безумно, кто жестоко
Вызвалъ твой, о море, гнѣвъ?
Видно мнѣ чело пророка,
Молній брошенный посѣвъ.
Кто то въ полночь хмурить брови
Чей то мечъ блеснулъ, упавъ.
Зачѣмъ, зачѣмъ? Ужель скупъ къ крови
Градъ самоубійства и купавъ?
Виситъ—надѣяться не смѣемъ мы
Межъ тучъ прекрасная глава.
Покрыта трепетными змѣями
Сулова точно жернова.
Смутна, жестока, величава
Плыветъ глава, несетъ лицо.
Въ вѣнкѣ темныхъ змѣй курчаво,
Восковое змѣй яйцо.
Союзъ праха и лица
Разрубилъ ударъ жестокий
И въ обитель палача
Мрачно ринулись потоки.
Народъ свой ужасъ величающій,
Пучины ревъ и звукъ серчающій
И звѣзды тихіе свидѣтели
Гробницы зла и добродѣтели.
Городъ гибнетъ. Люди съ нимъ.
Суша—дно. Послѣднихъ вѣсть.
Море съ полчищемъ своимъ
Все грозитъ въ безумствѣ снести.

И вотъ плыветъ между созвѣдїй
Волнуясь черными ужами,
Лицо отмщенья и возмездїй,
Глава отрублена ножами.
Нѣжный обликъ-восковой
Въ змѣй одеждѣ боковой
На лезвеѣ лежитъ ножа
Клянусь, прекрасная глава
Она глядитъ, она жива,
Свирѣль морского мятежа.
На лезвеѣ ножа лежа
Въ преддверьѣ судебъ рубежа
Глазами тайными дрожа,
Гдѣ тучь и облака межа
Она пучины мести вождь.
Крoвавыхъ капель льется дождь.
О призракъ прелести во тьмѣ!
Царица, равная чумѣ!
Ты жила лишенной чести,
Нынѣ ты богиня мести.
О ты тяжелая змѣя
Надъ хрупкимъ образомъ ея.
Отмщенья страшныя печать
И ноженъ мести рукоять.
Змѣй снопь, глава окрaвавленная
Бездна мечь ея зеленая
Подъ удары мѣрной гребли
Погибаетъ людъ живой.
И ужей вздыбились стебли
Надъ висячею главой.
О городъ, гибель созерцающій,
Какъ на бойняхъ волъ, спокойно.

Валы гремятъ, какъ мечъ бряцающій
Свирѣли ужаса достойно.
Погубятъ прежнія утѣхи
Моря синіе dospѣхи.
Блескъ, хлещетъ ливень, свищетъ градъ
И тонетъ, гибнетъ старый градъ,
Она прической змѣй колышитъ
Она возмездья ядомъ дышитъ
И тотъ, кто слушалъ, слово слышитъ
«Я жреца мечемъ разрублена
Тайна жизни имъ погублена,
Тайной гибели я вѣю
У созвѣзды Водолея
Мы рѣзвились и пѣли
Вдругъ ударъ меча жреца!
Вы живыми быть сумѣли
Схоронивъ красу лица.
И забыли тѣ, кто выбыли!
Нынѣ вы въ преддверьи гибели.
Какъ вы смѣли, какъ могли вы
Быть безумными и живы!
Кто вы? что вы? вы здоровы!
Стары прежнія основы.
Прежде обликъ восхищенія,
Нынѣ я богиня мщенія.»
Вверху ужей желѣзныхъ снопъ,
Внизу идетъ, реветъ потопъ.
Ужасенъ вѣтеръ боевой,
Валы несутся, все губя.
Жрецъ съ опущенной головой.
«Я зналъ тебя!»

Конецъ.

Надпись Тонгарова. Лес.

ПЕРЕВЕРТЕПЬ.

(Кукси кумъ мукъ и сукъ).

Кони, топоть, инокъ
Но не речъ, а черень онъ
Идемъ молодъ, доломъ меди
Чинъ званъ мечемъ навзничъ.
Голодъ чѣмъ мечъ дологъ?
Паль а норовъ худъ и духъ ворона лапъ.
А что? я ловъ? Воля отча!
Ядъ, ядъ, дядя!
Иди, иди!

Морозъ въ узель, лѣзу взоромъ.
Соловъ, зовъ, возъ волосъ
Колесо. Жалко поклажъ. Оселокъ.
Сани плотъ и возъ зовъ и толпъ и насъ
Гордъ дохъ, ходъ дрогъ.
И лежу. Ужели?
Золь голъ логъ лозъ
И къ вамъ и тремъ съ
Смерти Мавки.

* *
* *

Помираль морень, моримый морицей
Вѣренъ въ вѣримое вѣрицы.
Умираль въ морильяхъ морень
Вѣренъ въ вѣроча вѣрни.
Обмираль морѣя морень.
Вѣренъ вѣритвамъ Вѣраны
Приобмеръ моряжески морень
Вѣренъ вѣрови вѣрязя.

МАРІЯ ВЕЧОРА.

Выступы замокъ простеръ
Въ синюю неба пустыню.
Холодный востока костеръ
Утра встрѣчаетъ богиню.
И тогда-то
Звукъ раздался отъ подковъ.
Бѣлъ какъ хата
Мѣсяцъ сотенъ облаковъ
Лаву видитъ сѣдоковъ.
И одинъ изъ нихъ широко
Ношей бѣлою взмахнулъ.
И въ его ночное око
Самъ таинственный разгулъ.
Заглянулъ, изъ-за мѣла бѣлыхъ скулъ.
Не святые, не святоши
Въ поздній часъ несемся мы,
Такъ зачѣмъ чураться ноши
Въ часъ царицы воплей тьмы!
Пусть блестяще чѣмъ свѣтъ
Два блистаютъ черныхъ глаза
Въ нихъ источники всѣхъ бѣдъ,
Въ нихъ чумы очагъ, зараза.
Смѣлой все же молодежи
Нѣтъ укора, нѣтъ отказа!
Здравствуй черные два глаза!..
Ужь! по твердой мостовой,
Идутъ взмыленные кони.
И опять взмахнулъ живой
Ношей мчащійся погони.

И кони устало зѣваютъ замученны.
Шатаются конскія стати.
Усы золотые закручены
Вождя веселящейся знати.
И вящей породѣ поспѣшная дань
Ворота раскрылися настезь.
„Раскройся, раскройся чудесная ткань!
Находку волшебную застишь!
Въ рукахъ моихъ дремлетъ прекрасная лань!
О эти рѣчи огневая
Ручья ночного сонныхъ взоровъ!
И этотъ снѣгъ и пепель выи,
Узницы бѣлой кружевъ узоровъ.
Лѣсной и дикой кошки норовъ.
И преодолевая страшный страхъ,
По широкой взбѣгаетъ онъ лѣстницѣ.
И прячется самъ въ волосахъ
Молчащей кудесницы
Въ холодномъ сумракѣ покоя
Гдѣ окружили столъ скамьи
Узнаю я, судьба какое
Даетъ веселіе семьи“
И тѣ отвѣчаютъ съ весельемъ
„Жестокую правду ты молвилъ и дѣло.
Дружень уродъ съ подземельемъ.
И входитъ дворца госпожою красивое тѣло,
Сжигая безумно года.
Такъ было, такъ будетъ всегда“.
„Короткіе четверть часа
Пробуду я наединѣ.
Узнаю, идетъ ли кудрей тѣхъ краса
Къ ранней главы сѣдинѣ.“

Нѣтъ, ведро на коромыслѣ
Не коснулося плеча.
Кудри длинныя повисли
Точно звуки скрипача.
И залогъ для восхищенья
Чудень, вѣмъ, закрывъ глаза.
О добыча похищенья,
Тяжкій мечъ и стрекоза“.
И тѣ засмѣялися дружно.
Качаются старою стрѣлкой часы.
Но страхъ вдругъ приходитъ. Но все же наружно
Товарищи крутятъ, что копыя, усы.
Охоты прибѣжища—замка
Богинѣ равна домочадка.
Но знаемъ, но знаемъ, загадка—
Кудрей златонѣжная рамка.
И пышные ходятъ стаканы
Виномъ веселя ихъ досуги
Одѣтые въ шлемъ и колчуги
Смотрѣли на нихъ великаны.
Но что это? жалобный стонъ и взволнованный говоръ
И тѣла упавшаго шумъ позже стука.
Весь дрова убѣгаетъ въ молчаніи поваръ
И прочь удалился не выронивъ звука.
И мчатся толпою, недоброе чужа,
До двери высокой, дубовой и темной,
И плачетъ товарищъ ключъ въ скважину суя
Суровый веселый огромный.
На битву бѣгутъ они къ женственнымъ чарамъ
И дверь отворилась подъ тяжскимъ ударомъ
Со скрипомъ, какъ будто куда то летя
Грустящее молить и плачетъ дитя.

Гдѣ ткань нависала изъ дуба рѣзаная
Бросился первый боецъ рукопашной
И тотчасъ же замеръ, недоброе зная
Здѣсь замеръ онъ грозный и страшный.
Два или три черезъ мига
Прежнихъ предчувствій раскроется книга.
Но зачѣмъ въ ихъ рукахъ заблестали клинки?
Шашекъ лезвья блещутъ изъ каждой руки.
На полу какъ уснувшій лежитъ общій другъ
И на полъ стекаютъ изъ крови озера.
А въ углу близъ стѣны вся упрекъ и испугъ
Марія Вечора.

„ХОВУНЪ“.

И всенѣя ховунъ вылетѣлъ въ трубу и, повселе-
леновавъ, опять влетѣлъ въ избенку. И мы лишь
всеенма всенѣющей воли, волерукаго дикана. И бѣ-
лязи были скорбновласы и смѣхо ноги. И небнядин-
ное голубьмо за ними сіяло, сіючее, неуставающее.

И волязъ стать красочимъ учился у лѣшихъ блес-
нѣ взглядовой, лѣсной, дикой нечеловѣческой. И смѣ-
хорукое длилось молчаніе.

И веселовница нудныхъ роцъ радостноперыми
взмахнула грустильями. И скорбунъ по вотчинамъ
Всеенязя качался въ петлѣ. И грезогъ-нѣмогъ полонъ
былъ тихихъ ликовъ. И соноги мечтоги вставали въ
мгловыхъ просторахъ. И то о чемъ я пишу, лишь
грезьмо грезюги.

Но сонногрезійцы прекрасны и въ небесовой мглѣ.
Небесатый своей думой я утихомирился и легъ
спокойно спать.

И былъ скорбенъ незамѣтный ликъ. И убѣгаетъ
умиравый въ сонъ.

И вселенаты были косицы за устами и волкъ дне-
перстный пришелъ и не минулъ: не стало бѣдно-
чей чтыня луковежская.

И соннежъ и соннежъ и всатый замысломъ и всо-
кій господинъ читака чтой читокъ чтоище перечет-
чикъ почетчикъ читомое и ничтожина и всеянинъ и
всень и веснь и всявый усъ и ничтовая бровь и вся-
ный голосъ и совникъ и ничтожево и ничтовъ и
ничтое ничтимъ ничтей и ничтакъ ничтва вселенѣль
ничтыня и лукавда красавда ничтець ничтимка всего
ничтота ничтовенство всележча меня и была смерть
читка чтыка весьтемъ везда вседа ничтимень.

И соногъ-мечтогъ былъ нами читьбище читьба,
читва читать, ль читежь читажа, читязь читьмо читавица.

И малочей звенѣль смѣхомъ и мальни лежали на
брегѣ и малыши звенѣла вершинами и малокъ вселен-
нѣль. Такъ, звукатая временѣль ясными струилась
завитками съ дѣдиканова плеча.

И дѣвнина страдалая взорами взметнула озаренны-
ми крыльями. Красотѣй-же засмѣялся.

И были глубинны синіе взоры и сіяль змѣй.

И, возрываая руками мыслоку, радостная вышла на
берегъ дѣва, сіяя устами и тѣломъ. И нагочей смѣя-
лись.

Въ смѣхотянкомъ, въ смѣхотовомъ вѣнкѣ ликѣ,
были два озера грустинъ и смѣхотучіе заревыя уста.

Нѣгѣй кинулъ вѣнокъ, но кто его поднялъ?...

И Вселеноміръ зыбилъ, звучаль студными вѣтками.
О Слово вай! припадите къ землѣ, какъ земичи!
Въ молчановомъ ручьѣ Омойте пыльные ноги.

И яроба народоструйныхъ водъ и весеннекликій
юнежь и вселеннокликъ и лиромигъ и безумвянная
дебри вѣдучихъ ростъ.

* *
* *

И въ бѣломъ мѣсяцовомъ ликѣ холодные враж-
дунные глаза: оголяя локти и небомойки изъ хмаро-
выхъ корытъ опрокидывали, лили воду. На хмаровыхъ
лети-полетай копытпахъ рѣзвилось смѣшунъ-дитя.

И смѣхчія выползали дѣти изъ вѣчностью спаленки
и вѣчность каутанный былъ мужъ и пожаро-кудряя
личики.

И дыхчія полымемъ змѣи и косматыя міристыя
гласомъ дива и постепенно міренѣло утихающее тих-
вой величія слово: я! и тонуло въ нѣмичіи. И крас-
нево въ золотучемъ, не ясномъ полѣ и красночій
мыслями и кудрями. И пыхчія свопами радляваю и
радостнаго золота голубочешуйныя утра. И вольва и
волва волнистой и вольной нивы воль. И жнець нивы.

И летуницы сладко и ладкогласныя. И вопросъ имъ
людища тьма-темь—власаго: кто вы? и отвѣтъ: сладко-
перья.

И желаніе шерстный песь лютой злой. И звена
звенять серебряной необходимостью. Неоградимое воль.

И бояйца голубева какъ зла силъ. И земѣ зема
его ликъ.

И бѣдища злостоперья. И молчанные дворцы и
за «а»—рцы.

И вѣчниканша верременная собой времовымъ ростомъ.

И баймо баянной звучали и звучаль нѣмотострунная, о! замолкнетъ она, когда струны порвутся руками чужими.

И надѣло землявый плащъ небо и старичіе голубосѣдыхъ стариковскихъ волосъ и ясавецъ мысли ясной срѣзаетъ думѣль и летять нѣчистѣли мыслоковыхъ осокъ и поють-поють: умиравежь милый; умри;

О, счастье клювая и ты, черно-глазая, легкая-легкая по кустамъ и древамъ порхалица! птичка приди, приди! О желтучія уста нѣмвянокъ молчановыхъ сѣротѣлыхъ сиротъ.

Молчанъ и лебеди грустливо-грустные не никлые ли цвѣты шея и слухока и молвнякъ по дикимъ брегамъ глаголокаменнымъ.

И моля лебедя смерти: приди бѣлошейная;

И языкъ—звукомья числа без старичіе.

Сѣрый

сѣно

вѣкъ

вѣра.

СУТЕМКИ, СУВЕЧЕРЪ.

Зазовъ.

Зазовъ манности тайнъ.

Зазовъ обманной печали.

Зазовъ уманной устали.

Зазовъ сипкихъ тростниковъ.

Зазовъ зыбкихъ облаковъ.

Зазовъ водностныхъ тайнъ

Зазовъ.

Мичаи и л. старіоновъ

Портрет
Анненской
артистки
Тонако

ШАМАНЪ и ВЕНЕРА.

Шамана встрѣча и Венеры
Была такъ кратка и ясна:
Она вошла во входъ пещеры,
Порывамъ радости весна.
Въ ея глазахъ свѣтла отвага
И страсти гордый гнѣвный зной:
Она предъ нимъ стояла нага
Блестя роскошной пеленой.
Казалось пламенный пожаръ
Ниспалъ касаясь древка снѣга.
Глазъ голубыхъ блестяль стожаръ,
Прося у желтаго ночлега.
«Монголы!» свои надувши губки
Такъ дѣва страсти начала.
(Мысль рождена изъ длинной трубки
Проводить борозды чела)
«Ты старъ и блѣдень, желтъ и смуголь,
Я-же роскошная рѣка!
Въ пещерѣ дикой дай мнѣ уголь,
Молю сѣдого старика.
Я, равная богинямъ,
Здѣсь проведу два-три денька.
Послушай, рухлядь отодвинемъ,
Чтобъ сѣсть двоимъ у огонька.
Ты вѣришь?—видишь?—снѣгъ и вьюга!
А я, владычица царей,
Ищу покрова и досуга
Среди сибирскихъ дикарей.
Еще того не доставало
Покрыться пятнами угрей.

Монголь! Монголь! какъ я страдала!
Возьми меня къ себѣ, согрѣй!
Покрыта пепломъ изъ свѣжинокъ
И распустивъ вдоль рукъ косу,
Она къ нему вошла. Какъ инокъ
Онъ жилъ одинъ въ глухомъ лѣсу.
Когда-то храмы для меня
Прилежно воздвигала Греція.
Монголь, твой миръ обременя,
Могу ли у тебя согрѣться я?
Меня забылъ ваять художникъ.
Мной не клянется больше витязь.
Народъ безумецъ, народъ безбожникъ,
Куда идете, оглянитесь?»
— «Не такъ ужъ мрачно».
Отвѣтилъ ей, куря, шаманъ.
Озябли вы и неудачно
Быль съ кѣмъ нибудь романъ.
«Подумай самъ: ужъ перси эти
Не трогаютъ никого на свѣтѣ.
Онѣ полны млека, какъ крынки.
(По щекамъ катятся слезинки)
И къ красотѣ вотъ этой выи
Холодны юноши живые.
Ни юношей, ни полководцевъ,
Ни женъ любимцевъ, ни уродцевъ,
Ни утомленныхъ стариковъ,
Ни въ косовороткахъ дураковъ
Они когда-то увлекали
Народы, царства и престолы,
А нынѣ, кроткія въ опалѣ,
Томятся спрятанныя въ полы.

И вѣришь-ли? меня заставили одѣть
Вотъ эти незабудки,
Ну, право, лучше умереть,
Чѣмъ эти шутки.
— Это жестоко». Она отошла
И, руки протянувъ, вздохнула.
«Какъ эта жизнь пошла!»
И руки къ небу протянула.
«Все, все, монголь, все, все—тщета.
Все—дѣти низкихъ вервйй.
И лики дѣвы—нищета
Когда на ней циркують черви!»
Шаманъ не вѣрилъ и смотрѣлъ,
Какъ дѣва (золото и мѣль)
Присѣла, зарыдавъ,
И рѣчь повель, сказавъ:
«Напрасно вы сѣли на обрубокъ
Онъ опарапаетъ васъ».
Беретъ съ стола красивый кубокъ
И, пьетъ задумчивъ русскій квасъ.
Онъ замолчалъ и тихъ курилъ,
Смотря въ вечернее пространство.
Любилъ убрать, что говорилъ,
Онъ въ равнодушія убранство.
И Дѣва нѣжное спасибо
Ему таинственно лепечеть.
И глаза синяго изгиба
Взоръ шаловливо мечеть
И смотреть томно, ибо!
Онъ былъ красивъ какъ бѣлый кречеть.
Часы летѣли и бѣжали
Они въ пещерѣ были двое.

И тѣни блѣдныя дрожали
Вокругъ вечерняго покоя.
Шаманъ молчалъ и вдаль глядѣлъ.
Венера вдругъ зѣвнула,
Въ огонь шаманъ глядѣлъ.
Венера же уснула.
Завѣты строгія храня
Долга къ пришелицамъ святого,
Моголь сидѣлъ, ей извиня,
Изгибы тѣла молодого.
Ахъ, ахъ!—она во снѣ вдыхала,
Порою глазки открывала,
Кого-то слабо умоляла,
Защитой руку подымая,
Кому-то нѣжно позволяла
И улыбалася младая.
И вотъ ужъ утро. Прокричали
На еляхъ блѣдныя дрозды.
Полна сомнѣвій и печали
Она на смутный ликъ звѣзды
Взирала робко и порой
О чемъ-то тихо лепетала
Про—что-то тихо напѣвала.
Блѣднѣло небо и свѣтало.
Всходило солнце. За горой
О чемъ-то роща лепетала.
Отъ сна природа пробудилась
Младой зари поднявъ персты.
Венера точно застыдилась
Своей полночной наготы.
И добродѣтели стезей идя неопытной ногой,
Она раадумывала прилично-ли нагой

Явиться къ незнакомому мужчинѣ.
Но былъ сокрытъ отвѣтъ богини.
Такъ дѣвы сонъ лелѣя хрупкій
Моголь сидѣлъ съ своею трубкой.
И дѣва затаивъ глаголь
Моголу бросила взоръ выси.
Отъ косъ затылокъ оголивъ,
Одна безъ помощи подругъ,
Она закручиваетъ ихъ въ кругъ.
Моголь какъ раньше молчаливъ.
Затылокъ бѣлый такъ прекрасенъ
Для чистыхъ юношей такъ ясенъ.
Но лицемѣрія престоль
Сидитъ задумчивый моголь.
Венера ходить по пещерѣ
И въ горести ломаетъ руки.
«Это какіе то звѣри!
Гдѣ пѣсень нѣжныхъ звуки?
Отъ поцѣлуевъ прежнихъ зноя,
Моголь! моголь, спаси меня!
Я вся горю! горя иная
Живу, въ огнистый бубень чувствъ звеня.
Узнай же! знаешь, что тебѣ шепну на ухо?
Ты знаешь? знаешь?—я старуха!...
Никто не пишетъ нѣжныхъ писемъ,
Никто на встрѣчу синимъ высямъ
Влюбленныхъ глазъ ужъ не подъемлетъ,
Но всякій хладно съ книжкой дремлетъ.» —
«Какъ все это жестоко!»
Сказала дѣва, вдругъ заплакавъ
«Скажи хоть ты: ужель съ востока
Идетъ вражда къ постелямъ браковъ?»

Съ хладомъ могилы отрокъ одинаковъ.
Но неразговорчивъ и сердить
Какъ будто тотъ сидить.
Напрасно съ равняго утра
Раньше многолосыхъ утра дудокъ
Но всякій хладно убѣгаетъ
Прочь отъ себя за свой порогъ
Лишь только сердце настагаетъ
Любви назначенный урокъ
Къ ногамъ снѣговъ къ вѣнкамъ изъ маковъ?
Она изъ синихъ незабудокъ
Въ искусствѣ нравиться хитра
Сплела вѣнокъ почти въ 6 сажень
И имъ обвилась для вѣжныхъ дѣлъ
По прежнему монголь сидѣль,
Угрюмъ, задумчивъ, важенъ.
Вдругъ сердце громче застучало.
«Моголь, послушай» такъ начала,
Она «Быть можетъ рѣчь моя чудна
И даже дика и мало прока.
Я буду здѣсь бродить одна
(Ты знаешь: я вѣдь одинока).
Срывать цвѣты въ густомъ лѣсу
Вплетать цвѣты въ свою косу.
Вдали отъ шума и борьбы
Внутри густой красивой роши
Я буду пѣть, собирать грибы—
Искать въ лѣсу святого мощи,
Что можетъ этой жизни проще?
«Изволь душа моя» отвѣтилъ
Моголь съ сіяющей улыбкой.
Я даже въ лѣсу встрѣтилъ

Дупло съ прекрасной зыбкой.»
Въ порывѣ нѣжномъ хорошья,
Она бросается ему на шею.
Его ласкаетъ и цѣлуетъ
Ниспали волосы какъ плащъ.
Моголь-же морщится, тоскуетъ.
Она въ тотъ мигъ была палачъ.
Она рассказываетъ ему
Про вредный плодъ куренья.
«Моголь, любезный, не кури!
Внемли рыданью моему».
Онъ же съ глазами удовлетворенія
Имя произносить Андуря.
Шаманъ беретъ рукою бубень
И мчится въ пляскѣ круговой.
Ногами рѣзвыми стучить,
Венера скорбная молчить,
Или сопровождаетъ голосъ трубень
Дрожа звенящей тетивой.
Потомъ хватаетъ лукъ и стрѣлы
И мимо просьбъ, молитвъ, моленій
Идетъ охотникъ гордый, смѣлый
Къ четъ пасущихся оленей
И онъ таинственно исчезъ
Гдѣ росъ густой зеленый лѣсъ.
Одна у раняго костра.
Богиня скорбная сидить.
То грусть. И ей сестра
Она задумчиво молчить.
Цвѣты сплетая въ сарафанъ
Какъ бѣло синій истуканъ
Глядитъ въ не обезпокоенныя воды.

Зеркало окружающей природы.
Поетъ, хохочетъ за двоихъ.
Или достаетъ откуда-то украдкой
Самодержавія портныхъ
Новое уложеніе законовъ
И шепчетъ тихо: какъ гадко!
Или какъ безвкусно... фу, вороны!
Самъ другъ съ своею книжкой
Она прилежно шепчетъ, изучаетъ,
Воркуетъ, мѣряетъ подъ мышкой
И... не скучаетъ.
И воды послѣ переходить
И по полянѣ свѣтлой бродить,
Сплетаетъ частые вѣнки
На косахъ солнца сѣдоки.
Венера сѣла на сосновый пенъ.
И шепчетъ робко: вѣтеръ телепень!
Одинъ лишь ты меня ласкаешь
Своею хрупкою рукой
Мнѣ одинъ не измѣняешь
Людей отринувши покой.
Лишь тебѣ бы я дарила
Сномъ насыщенный ночлегъ
Двери я бы отворила,
Будь ты отрокъ, а не бѣгъ...
Будь любимый человѣкъ...
Букашки и все то, что мнѣ покорно!
Любите, любите другъ друга проворно!
Счастье не вернется никогда!
И вотъ приходитъ отъ труда,
Ему навстрѣчу выбѣгаетъ,
Его цѣлуетъ и ласкаетъ,

Береть оленя молодого
На части рѣжетъ и готово
Ея стряпни простое блюдо;
Сидить и ѣсть ну право-же не худо!
Шаманъ-же трубку тихо курить.
И взоръ устало томно шурить.
И какъ чудесная страна
Пещера въ травы убрана.
Однажды бѣлый лебедь
Спустился съ синей высоты
Крыло погибшее колеблетъ
И умирая стонетъ: ты!
Иди, иди! тебя зовутъ,
Иди верни свой кроткій трудъ.
Отъ крови черной пѣгій
Я умирающій клянупу
Иди, иди чаруя нѣгой
Свою забытую страну.
Тебѣ племень твоихъ соборъ
Готовить царственный уборъ.
Иди, иди своихъ лелѣя!
Ты имъ другихъ божествъ милѣе
Я лебедь умирающій клянупу:
Дитя: вернись въ свою страну.
Забывъ страну озеръ и моховъ,
Иди приѣмля дань изъ вздоховъ.
И лебедь легъ у ногъ ея
Какъ бѣлоснѣжная змѣя.
Онъ умирающій молилъ
И дѣву страсти умилилъ
Шаманъ ты всѣхъ земныхъ мудрѣй!
Какъ мной любима смоль кудрей.

И хладъ высокаго чела.
И взгляда острая пчела.
Я это все оставлю.
Но въ пѣсняхъ юноши прославлю.
Вотъ эти косы и эту грудь
Вѣдунъ мой милый все забудь!
И водопадъ волосъ могуче рыжій
И глазъ огонь моихъ безстыжій,
И грудь и твердую и каменную
И духа кротость пламенную
Какъ часто послѣ мы жалѣемъ
О томъ, что раньше бросимъ!
И взоромъ нѣжности лелѣемъ
Моголь ей молвить «просимъ
Насъ не забывать
И этотъ камень дикій; какъ кровать
Онъ благо замѣнялъ постели.
Когда съ высокой ели
Насмѣшники свистѣли.
Златые свиристѣли
И съ благословящей улыбкой
Она исчезаетъ ласковой ошибкой.

КРЫМСКОЕ.

Вольный размѣръ.

Турки.

Вырея блестящаго и мимоходомъ всегда — окурки.
Валяются на берегу.

Берегу

Своихъ рыбокъ

Въ ладоняхъ

Сослоненныхъ.

Своихъ улыбокъ

Не могутъ сдержатъ бѣлокурые

Турки.

Иногда балогурять.

Море въ этомъ заливѣ совсѣмъ засыпаетъ.

Засыпаютъ

Рыбаки въ море неводъ.

Небо тамъ золото:

Посмотрите, какъ оно молодо!

Но рыбаки не умѣютъ:

Наклонясь, сѣти сѣютъ.

Точно ихъ немного.

Ахъ! мнѣ грустно!

И этотъ вѣчный по песку хрусть ногъ!

И наклонясь взять камешекъ,

Чувствую, что нужно протянуть руку прямоеще.

Бѣжить на моря сини

Вѣтеръ сладостно сѣя

Запахи маслины,

Цвѣтокъ Одиссея.

И море шепчетъ «не вы»
И дѣвушка съ дальней Невы.
Протягивая руки, шепчетъ: «моречко!»
А воробей проноситъ сѣмячко..
Ахъ! я усталъ одинъ таскаться!
А дитя, увидѣвъ солнце, закричало: «паца!»
И пока расцвѣтаетъ, смѣясь, семья прибаутокъ,
Изъ рученки
Мальченки
Мчится камень вѣясь въ убѣгающихъ утокъ.
Сыпется, вѣясь, дождь въ уплывающихъ утокъ.
Кто-то платкомъ машетъ.
Возгласы: мамаша, мамаша!
Море ласковой мѣрой
Вѣетъ полуденнымъ золотомъ.
Ахъ, объ эту пору всѣ мы вѣримъ,
Всѣ мы молоды..
И нѣтъ ничего невообразимаго,
Что въ этотъ часъ
Море гуляетъ среди насъ,
Надѣвъ голубья невыразимья..
Во взорахъ— песь, камень,
Дорога пролегла песками,
Тамъ подъ руководствомъ маменьки
Барышня учится въ воду камень кинуть.
О этотъ рыбы въ неводъ ловы!
И крикъ невидимыхъ орловъ!
Отсюда далеко все ясно въ водѣ.
Гдѣ очами безплотныхъ тучи прошли,
Я черчу: «В» и «Д».
Чьи? не мои.
Мои: «В» и «И».

Когда нибудь стоялъ адѣсь олень
Вся нѣжная отъ линьки
День! ты вновь стоишь, какъ карапузикъ — мальчикъ,
Засунувъ кулачки въ карманы.
Но вихрь уносить пѣсенъ дальше
И ясны горные туманы.
Отсюда море кажется старательно выполощен-
нымъ чьими-то мозолистыми руками въ синькѣ.
О, этотъ ясный закатъ
Своими красными красками катъ.
Бѣ было мѣсто боговъ и земныхъ дѣвъ виру,
— Тамъ, въ лавочкѣ,—продаютъ сыру.
Бѣ шествовалъ богъ — не сдѣланный, а настоящій,
Тамъ сложены пустые ящики.
И снимая шляпу,
И обращаясь къ тучамъ,
И отставивъ ногу,
Немного,
Лепечу—я съ ними не знакомъ —
Коснѣющимъ дѣтскимъ, несмѣлымъ языкомъ.
Если мое робкое допущеніе,
Что золото, которое вы тянули,
Когда смѣясь рассказывали о любви,
Есть обычное украшеніе Вашей семьи,
Справедливо, то не вѣрю, чтобы вы мнѣ не сообщили
Любите ли вы «тянули»,
Птичку «сплю?»
А также въ наукѣ «русскій языкъ» прошли-ли
Спряженіе глагола «люблю?»
Старое воспоминіе жалить.
Тѣни бѣжали.

И милая власть жива
И сѣры кружева
Вѣтеръ, пѣсни сѣя,
Улетѣлъ въ свои края.
Все забыло чары дѣлъ.
Лишь безсмертно вѣю
Я.
Только.
И кромѣ того ставить-ли учитель двойки?

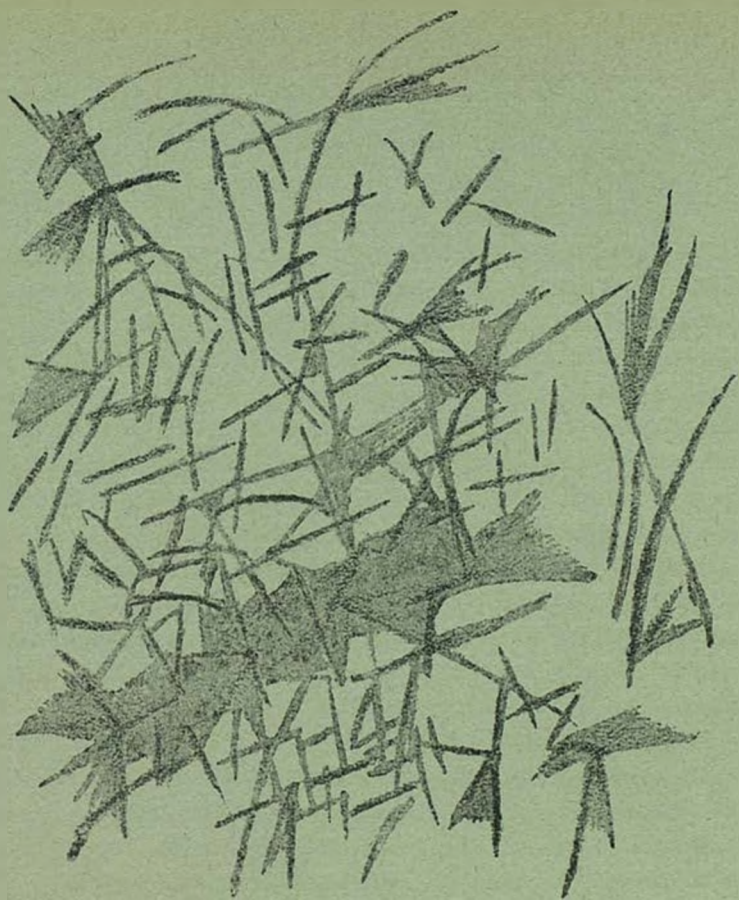
Примѣчанія.

Вырей—Югъ;—куда уносятся осенью птицы.

„Тянули“—лакомство.

„Сплю“—небольшая совка, распространенная въ южной Россіи.

Турки нерѣдко бываютъ бѣлокурами.

Mutauur

Ларисовъ

Лытцаи

Порипене

or

Нананин

Тон Ларисовъ

ДАВИДЪ БУРЛЮКЪ.

О БРОДНИКАХЪ.

Бродники извѣстны лѣтописи какъ особенные кочевые славяне въ южной Россіи. Дальнѣйшая судьба этого степного племени неизвѣстна. Принято выводить его имя отъ глагола: бродить, вести бродячій образъ жизни. Между тѣмъ, принявъ другое слово производство, можно прийти къ заключенію что это племя юго-западныхъ степей. Принимало участіе въ завоеваніи Сибири. Допустимъ что народъ этотъ получилъ названіе отъ особеннаго рода обуви, которую онъ носилъ. Обувь эта въ отличіи отъ сапога не имѣетъ отдѣльной подошвы и выше щиколки туго перевязывается ремешкомъ, чтобы мягкая кожа не спадала съ ногъ. Въ древнѣйшее время она была обувью степного населенія Россіи, какъ свидѣтельствуютъ пластинки и украшенія кургановъ.

Въ наше время ея нѣтъ въ Евр. Россіи, она вытѣснена сапогами и лаптями. Но въ Сибири до сихъ поръ хорошо извѣстно подъ именемъ бродни и предпочитается другой обуви за ту легкость и свободу движеній, которую пріобрѣтаетъ въ ней нога. Пѣшіи челоуѣкъ обутой въ бродни уйдетъ въ $1\frac{1}{2}$ раза дальше, чѣмъ обутой въ сапоги съ ихъ неподвижной подошвой. Внутри бродней кладется солома, чтобы избѣгнуть ушибовъ; то-же дѣлали и скифы какъ это видно изъ раздутости ихъ ногъ. Эта скифская обувь была-бы удобнѣе сапогъ для пѣшихъ войскъ, въ особенности въ горной странѣ (въ бродняхъ нога цѣлко охватываетъ камни).

Можно думать, что бродники—обрусѣвшіе потомки скифовъ, сохранившіе вмѣстѣ съ многими чертами быта и скифскую обувь. Стѣсняемые потоками размножающагося поселокъ въ своей кочевой свободѣ они ушли на востокъ, участвуя въ завоеваніи Сибири и распространили среди русскаго населенія новой страны ту обувь, которая дала имъ ихъ имя.

Не совершенно невозможно, чтобы вожди завоеванія не были бы изъ среды этого племени: Ермакъ и Кольцо могли быть потомками носителей кожаныхъ чулковъ.

Замѣчательно, что одинъ изъ покорителей Амура Хабаровъ былъ, какъ указываетъ его имя, потомкомъ храбрѣйшаго племени ховарскаго царства, племени хабары. Оно когда то, стѣсняемое единоплеменниками подымало возстаніе.

* *
*

Op. № 27. Рожденье—сонъ возможный,
Онъ былъ и навсегда
Теперь не сталъ тревожный
Печальный голосъ льда.
Тоскующія нити,
Плывущая бѣда,
Торжественность наитій
Влечетъ туда...
Тамъ безконечно пьяны
Сосновые лѣса. ;
Провалы и изъяны
Черта и полоса.
О содрогайся гордо,
Проваль, ударъ, тупикъ.
Измѣна всѣмъ аккордамъ,
ОГНЕДЫМЯЩІЙ ПИКЪ.

1909.

* *
*

Op. № 28. Кто стоялъ подъ темнымъ дубомъ
Инстру- И, склоняя ликъ лиловый
ментовано Извивался прянымъ кубомъ,
на «С» Оставался вѣчно новымъ,
Сотрясая толстымъ шлемомъ,
Черепашьей скорлупой,
Ты клялся всегда триремамъ,
СТРАЖНИКЪ РАДОСТИ СЛѢПОИ.

1909.

Д. Бурлюк.

* * *

Ор. № 29. Стремглавъ болящій КОЛОСЪ,
Метла и Эфіопъ,
Сплетенья разныхъ полосъ,
Разноголосый снопъ,
Взлетающія ПЧЕЛЫ,
О милый малый поль
Дразнящіе глаголы,
Коралловый аттоль.
Какъ вѣрь листьа пальмы.
Явь, синь и кружева.
Отринули печаль мы,
Ревъ изумленный льва.
ЛИЛОВЫЕ АРАБЫ...
Тяжелая чалма....
Ахъ, вѣрно вкусны крабы....
Пятнистая чума.

1909

* * *

Ор. № 30. Внизу журчитъ источникъ свѣтлый,
Вверху опасная стезя,
Созвѣдїа вадымають метлы,
Надъ тихой пропастью скользя.
Мы всё привикли къ коромысламъ
Подъ блескомъ ясной синевы,
Не уклоняясь отъ смысла
И Я, и ТЫ, и МЫ, и Вы.

1908.

* * *

Op. № 31. Среди огней подь чернымъ небомъ,
Безликой прелестью жива,
Вознесена къ суровымъ требамъ
Твоя поспѣшно голова.
За переулкомъ переулкомъ,
Сожравши потрясенный мостъ,
Промчишься мимо мѣдныхъ булокъ,
Всегда, сіяющій и простъ.
А тамъ, на синей высотѣ
Кружить твоя прямая стрѣлка,
На каждой времени верстѣ
Торчитъ услужливо горѣлка.

1909.

* * *

Op. № 32. Стальные, грузныя чудовища
ОРАНЖЕВЫЙ подъемлютъ крикъ,
Когда ихъ слышу ржанье, новъ еще
Мнѣ жизни изможденный ликъ.
На коленяхъ стальныхъ, жестокия,
Гиліотинами колесъ,
Стуча, трясете, многоокія,
Нѣмую землю — трою хаосъ.
Вы въ города обледенѣлыя
Врывается изъ темныхъ нивъ,
Когда ЧАСЫ лукаво СПѢЛЫЕ
Свой завершатъ живой приливъ.

1908.

Ор. № 33. ТРУБА БЫЛА зловѣще ПРЯМОЙ
ОПАСНАЯ ЛУНА умирала,
Я шель домой,
Вспоминая весь день сначала.
Съ утра было скучно,
Къ вечеру былъ стыдь.
Я былъ на площади тучной
И вдругъ заплакаль навзрыдь.
Труба была трагически прямой,
Зловѣщая луна УМЕРЛА.
Я такъ и не пришелъ домой,
Упавъ у темнаго угла.

1909.

* * *

Ор. № 34. Какой глухой слѣпой старикъ!
Мы шли съ нимъ долго косогоромъ,
Мнѣ надоѣль упорный крикъ,
Что называлъ онъ разговоромъ,
Мнѣ опротивѣли глаза,
Въ которыхъ больше было гноя,
Чѣмъ зрѣнія, ему стезя
Была доступна, — вель его я.
И вотъ пресѣкся жалкій день,
Но къ старику нѣтъ больше злости,
Его убить теперь мнѣ лѣнь,
Мнѣ мертвой жаль его утробы.

1907.

Д. Бурлюк.

* * *

Ор. № 35. У радостныхъ воротъ,
Поникшій утомленно,
Подъ тяжестью огромной
Желаній рабьихъ — кротъ,
Иль сглазили со стѣнъ
Иль передъ узкимъ входомъ,
Сраженный цѣпкимъ годомъ,
Ты самъ отринулъ плѣнъ. 1910.

* * *

Ор. № 36. «ЛАЗУРЬ БЕЗЧУВСТВЕННА», — я убѣждалъ
старуху,
«Оставь служить скелетамъ сиплыхъ травъ,
Оставь давить раскормленную муху,
Вождя назойливо взлетающихъ оравъ».
Съ улыбкой старая листамъ рѣчей внимала,
Свивая сѣть запутанныхъ морщинъ,
Срѣзая зломъ уснувшего металла
Неявный снопъ изысканныхъ причинъ. 1910.

* * *

Ор. № 37. Вечеръ гніенья
Старость тоскливо
Забытое пѣнье
Лиловымъ стремленье
Блѣдное грива
Плакать страдалецъ
Тропы залива
Сироты палецъ. 1911 г.

Примѣчаніе. Лейтъ—слова: подчеркнуты величиной. Авторъ.

* *
*

Ор. № 38. Темный злоба головатый
Съро глазое пила
Утомленный родила
Звѣздъ желательное латы.

* *
*

Ор. № 39. Какой позорный черный трупъ 1912.
На замыленный дымящій крупъ
Ты взгромоздилъ неукротимо...
Желѣзный грузъ забытыхъ словъ
Ты простираешь мрачно вновь
Садовъ благословенныхъ мимо.
Подъ хладнымъ озеромъ небесь,
Какъ безконечно юркій бѣсъ,
Прельстившійся единой цѣлью!
И темный ровъ и сѣрый крестъ
И взгляды запыленныхъ звѣздъ
Ты презрѣлъ трупною свирѣлью. 1911.

* *
*

Ор. № 40. Передъ зеркаломъ свѣча
Съ странной миной палача
У дѣвичьяго плеча
Остріе влачить меча,
Вкругъ ея ночная тьма,
Иступленная зима
Угловата и пряма,
Оковавшая дома. 1901.

НИКОЛАЙ БУРЛЮКЪ.

СБѢЖАВШІЯ МУЗЫ.

Были сумерки. Еще безсильный послѣ долгой болѣзни вышелъ покачиваясь, въ полутемную залу и сталъ у окна. Прислонившись лбомъ къ холодному стеклу смотрѣлъ какъ постепенно угасали послѣдніе отблески зари и застывали деревья.

Кружилась голова и во рту было сладко какъ отъ варенья.

Снаружи не доносилось ни звука и лишь въ комнатахъ потрескивала мебель.

Вдругъ обернулся:— за дверью шептались. Прислушался;—ни шороха. Конечно показалось, — шумъ въ ухахъ, знаете, послѣ долгой болѣзни.

Задумался и присѣлъ на край стула. Зыбкій свѣтъ звѣздъ не могъ разогнать тьмы глубокой комнаты.

Что это? Сдавленный женскій смѣхъ и шорохъ платья у двери въ бібліотеку.

Потомъ различилъ:— «Тихе! Онъ спить! Снимите ботинки!»—Заскрипѣла дверь и вошли. Слышны были только шаги и прерывистое дыханіе. Минуту спустя все затихло. Пошевельнулся и кашлянулъ:—ни звука. Всталъ подошелъ къ двери и попробовалъ—заперта. «Не хорошо, галлюцинаціи—рано поднялся».

На слѣдующій день всталъ около одиннадцати и, позавтракавъ, пошелъ въ читальню. Всюду легла пыль и фотографіи съ греческихъ и римскихъ памятниковъ пожелтѣли, а на снимкѣ съ любимаго остійскаго саркофага съ удивленіемъ замѣтилъ исчезновеніе музъ. Лишь кое-гдѣ лежали—гдѣ недописанный папирусъ, гдѣ котурны и трагическая маска, а флейта Эвтерпы валялась разбитая на куски.

ПОЛУНОЧНЫЙ ОГОНЬ.

Рокоть экипажа и прохлада ночи усыпили путника. Гармонія движенія и покоя превратилась въ музыку, къ которой подъ самое утро присоединились фырманье лошадей и ободрительные окрики возницы.

Проснувшись, Василій увидѣлъ между коренникомъ и пристяжной телеграфный столбъ смущеннаго кучера и понялъ причину шума. Отрезвленный маленькимъ происшествіемъ, уже не могъ спать и только вникалъ въ послѣдніе аккорды ночной игры.

Скоро показалась деревня и когда подъѣхали къ крыльцу солнце бросало первые лучи на верхушки сада.

Потихоньку вошелъ въ незапертый домъ. Всѣ домашніе спали. Въ полутемныхъ комнатахъ теплый воздухъ ласкалъ и валилъ на постель. Не сопротивляясь сладкому позыву, пробрался въ свою комнату и легъ. Послѣднимъ звукомъ донесшимся до его слуха былъ кошачій крикъ павлиновъ.

Когда проснулся—вечерѣло. День ушелъ и края тучь уже чуть-чуть розовѣли. Братья и сестры ушли въ садъ. Спросилъ у матери прїѣзжалъ кто нибудь во время его отсутствїя. «Никто, а вотъ письмо такъ есть...» Конвертъ узкій и длинный, незнакомый почеркъ. Распечаталъ и заглянулъ—сухой дубовый листъ и больше ничего.

Кто могъ пошутить?

Солнце изъ-за плѣсени тучь едва значилось краснымъ огнемъ. Въ саду и тихо и пустынно. Встрѣтилъ дочь механика. «Какъ, вы, Вася съ краснымъ левкомъ?» Отвѣтилъ важно:—«сожигаю незрѣлыя надежды».

Всюду запылалъ огонь. Въ домѣ—гдѣ голубѣла лампа, гдѣ шаталась зыбкая свѣча. У бани языки лизали стѣну и на фонѣ ихъ источниковъ—истопникъ, можетъ-быть одинъ изъ отроковъ.

Хотя былъ августъ—легъ на террасѣ.

Легкій вѣтеръ несъ съ моря обрывки тумана и шуршалъ въ деревьяхъ.

Проснулся отъ холода—сползло одѣяло, можетъ-быть кто-то дунулъ. Тихій туманъ залилъ садъ. Подушка и волосы влажны и холодны. Сквозь бѣлый сумракъ перекошенная луна никла въ темныхъ пятнахъ тучь. Въ дѣшѣ течетъ вода. Кто это можетъ такъ поздно мыться? Крикнулъ: «Эй, кто тамъ купается?» Отвѣта нѣтъ. Василій всталъ и нагой пошелъ къ дѣшу. Дверь открыта и на скамейкѣ нѣтъ одежды. Вода падаетъ полнымъ столбомъ, а въ немъ блѣдная фигура чужого юноши. Зеленое лицо покрыто струями, глаза закрыты. Вода рѣзво бѣжитъ и съ шумомъ растекается по полу, а незнакомецъ недвижимъ и безмолвенъ. Вдругъ сзади на порогѣ зашуршало. Василій обернулся и уви-

дѣлъ языкъ пламени. Онъ осторожно переползалъ на постилку душа. Потомъ мимо Василя онъ, шурша и извиваясь, съ голубымъ дымомъ, покатился къ струѣ воды. Чужой юноша, увидя огонь, заерзалъ и сжался, но огонь уже замѣтилъ его. Потрескивая по мокрымъ доскамъ, овился вокругъ звонкой струи. Юноша позеленѣлъ еще болѣе, а огонь прогрызъ водяную броню и привикъ къ его тѣлу. Бѣлыя жилки побѣжали наискось по тѣлу незнакомца, а между ними зеленѣла тонкая плоть листа. Пламя желтой гусеницей изгрызло листъ, вода глухо ниспадала, а Василій смотрѣлъ. Гусеница на листѣ свила вокругъ себя коконъ, а листъ пожелтѣлъ и скрутился. Вода со стономъ убѣгала по темному полу. Въ маленькое окошко подъ крышей глянуль мѣсяцъ и освѣтилъ истощенную струю. Скудныя нити воды заблестѣли подъ мутнымъ свѣтомъ и болѣе я ничего не увидѣлъ.

НАЪЗДНИЦА.

Милой Симѣ.

Мы воду пьемъ—кто изъ стакана,
А кто прильнувъ къ струѣ устами,
Въ пути и въ хижинѣ желанна
Она прозрачными перстами.

Весной—разлившейся рѣкою
Гнетъ затопленныя деревья,
И, изогнувшись за лукою
Стремится непреклонность дѣвья.

Мы воду пьемъ—кто изъ стакана,
А кто прильнувъ къ струѣ устами
Среди весенняго тумана
Идя полночными берегами.

Не видно звѣздъ, но сумракъ свѣтель
Упавъ въ серебрянныя стѣны.
Въ поляхъ наѣздницы не встрѣтилъ
Лишь находилъ обрывки пѣны.

Но сквозь туманъ вдругъ слышу шопоть
И вижу какъ, колебля иву,
Струя весны, забывши ропоть,
Несетъ разметанную гриву.

Я.

1901 г. И въ комнатѣ тихіе углы
Студеной ночи воздухъ зимній
Нисходитъ холода полы
И мразъ бодритъ какъ строгій схимникъ.
А за окномъ звѣзду слѣдя
Смѣются дѣвушки безопасно
И путь небесъ—напитокъ млечный
Имъ материнства череда.

1910 г. Въ полѣ вѣтра пьяный бредъ
Декабрь И коляски темный верхъ
Точно дѣвы капюшонъ.
Гаснетъ дня послѣдній свѣтъ
Зимній вечеръ день повергъ
Сумракъ бури звѣздъ лишень.
Кони рады ласкамъ вьюгъ
Кобылицамъ хладныхъ пургъ
Ихъ развѣяныя гривы
Свиты съ гривами подругъ
Вѣтръ степей сѣдой теургъ
Сыплеть пѣною игривой.

1910 г. Съ легкимъ вздохомъ тихимъ шагомъ
Черезъ сумракъ смутныхъ дней
По равнинамъ и оврагамъ
Древней родины моей,
По ея лѣснымъ цвѣтамъ,
По невспаханнымъ полямъ,
По шуршащимъ очеретамъ,

По ручьямъ и болотамъ,
Каждый вечеръ ходитъ кто-то
Утомленный и больной
Въ голубыхъ глазахъ дремота
Грѣетъ вѣщей теплотой.
И въ плащѣ ночей широкомъ,
Плещетъ, плещетъ на рѣкѣ,
Оставляя ненарокомъ
Слѣдъ копыта на пескѣ.

1910 г. Какъ послѣ этого не молвить
31-го Что тихой осени рука
августа Такъ нѣжно гладить паука
Желая тайный долгъ исполнить.
Какъ послѣ этого не вянуть.
Цвѣтамъ и маленькой травѣ,
Когда въ невольной синевѣ
Такъ облака готовы кануть.
Какъ послѣ этого не стынуть
Слезами смоченнымъ устамъ,
Когда колеблешься ты самъ
Пугаясь смерти жребій вынуть.

1910 г. Проходятъ дни невольной страсти
августъ Цвѣтутъ деревья и вода
Земли зеленая руда
Плететь узорчатая снасти.
Чернѣетъ остовъ корабельный
И осени уже рука
Канать работы паука
Кидаетъ въ воздухъ безпредѣльный.

1910 г. Я мальчикъ маленькій—не болѣ,
декабрь. А можетъ-быть, лишь внукъ дѣтей
И только чувствую острѣй
Пустынность горестнаго поля.

1910 г. Что если я, блуждая втунѣ
сентябрь. По этимъ улицамъ и днямъ,
Веселый страникъ наканунѣ
Пути къ далекимъ островамъ.
Что если я совсѣмъ случайно
Попалъ подъ Сѣверный вѣнецъ
И скоро выйду наконецъ
Изъ жизни сумрачныя тайны.
Что если я, заснувъ въ туманахъ.
Печально плещущей Невы,
Очнусь на солнечныхъ полянахъ
Въ качаньи вѣтренной травы.

1910 г. Какъ станетъ все необычайно
И превратится въ мѣръ чудесъ,
Когда почувствую случайно
Какъ безпредѣленъ сводъ небесъ.
Смотрю-ль на голубей и галокъ
Изъ оконъ дома моего,
Дивлюся болѣе всего
Ихъ видомъ зябнущихъ гадалокъ.
Иль выйду легкою стопой
На Петербургскій троттуаръ
Спѣшу вдохнуть квартиръ угаръ.
Смущаясь тихою толпой.

ВЛАДИМИРЪ МАЯКОВСКИЙ.

* *
* *

Въ патрахъ истертыхъ масокъ цвѣлъ гдѣ
Изъ ранъ лотковъ сочилась клюква
А сквозь меня на лунномъ сельдѣ
Скакала крашенная буква

.....

Вбиваю гулко шага сваи
Бросаю въ бубны улицъ дробь я
Ходьбой усталые трамваи
Скрестили синихъ молній копыя

.....

Въ рѣзкой рукѣ единый глазъ
Кривая площадь кралась близко
Смотрѣло небо въ бѣлый газъ
Безглазымъ ликомъ Василиска.

ОТПЛЫТІЕ.

простыню водъ подъ брюхомъ крылій
порваль на волны бѣлый зубъ
былъ вой трубы какъ запахъ лилій
любовь кричавшихъ мѣдью трубъ
и взвизгъ сиренъ забылъ у входовъ
недоумѣнье фонарей
въ ухахъ оглохшихъ пароходовъ
горѣли серьги якорей

А. КРУЧЕНЫХЪ.

МЯТЕЖЪ НА СНѢГУ.

Слова съ чужими брюхами и др.

Сарча, кроча буга на вихроль опохромѣль пяти
конепыть проѣздоаль вза спренькурый смѣлубъ възшубъ
выньку женрогуловарый спаръ въ томъ еже спинобро-
хинкому бурль се вотарнъ сумре на ванишестъ сенъ
гирно куць вспадина.

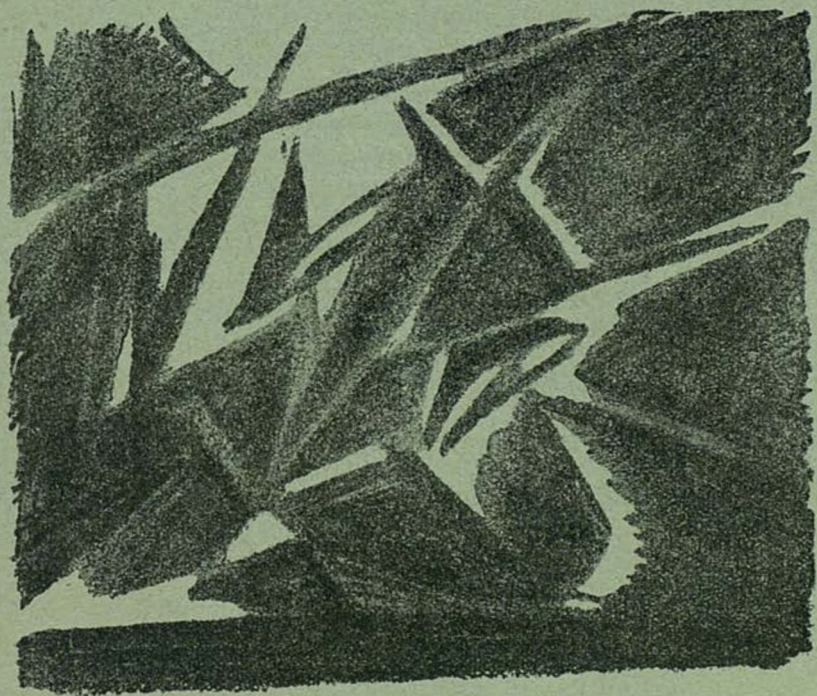
Дверь
свѣжіе маки
расцѣлюю
пышетъ
закатъ
мальчикъ
собачка
поэтъ
младенчество лѣтъ

Ударъ
ножъ
токъ
посинѣло
живи
живешь умираешь

жизнь скучнѣе смерти
смерти
живи мертвецъ
сосущій мертвыхъ
всегда свѣжихъ
и такъ живу
полый
протухъ

Пѣтухъ мудрости.
Убывала вода А
въ бѣлыхъ коняхъ не было воды Э
старцы подкатываютъ пальму
изсохла пещера
въ ней явства Е
благодатныя мысли прорѣзываютъ потолокъ

износились всѣ слова на коняхъ
застыло олово висятъ портки
мудрецы безъ работы зѣваютъ
зѣвъ змія зѣвнулъ проглотилъ
озъ паръ отъ лошади тѣло
научился самъ ловить раковъ
питаюсь бей надувалу ого-го

Наталиа Томарова - Голова клоуна

О—

ой и душно мнѣ не пускаютъ
плетка въ носъ лѣзутъ
мудрецы живутъ долго день долгій
а другіе качурятся
ни въ тебѣ ни въ себѣ не
нахожуся НѢТЬ горе горе
и сталь я видѣть вдоль и по-
перекъ ничего не вижу не
сидятъ на рѣкѣ благополучной
не скучной жуютъ дыни пѣтухъ
бѣгаетъ клюетъ
умилился ножъ и не рѣжетъ
такъ было раньше
а написанное раньше—теперь.

ЕЛЕНА ГУРО.

Изъ цикла «НЕБЕСНЫЕ ВЕРБЛЮЖАТА».

Посвящается Ольгѣ
Громозовой.

ГАЗЕТНОЕ ОБЪЯВЛЕНІЕ.

Верблюжьяго пуха, особо теплыя фуфайки
кальсоны, чулки и наживотнички.

Это дѣлается такъ: ловятъ въ засаду молодыхъ
свѣтлыхъ духовъ, длинноватыхъ и добрыхъ, похожихъ
на золотистыхъ долговязыхъ верблюжатъ, покрытыхъ
пухомъ святого сіянья. Сгоняютъ ихъ въ кучу, шелкая
по воздуху бичемъ, и нѣжныя добродушныя созданья,
слишкомъ добрыя, чтобы понять, какъ это дѣлаютъ
боль, толпятся, тѣсняются, протягивая другъ черезъ друга
шеи, жмутся о грубую загородку, теряя съ себя въ
тѣснотѣ свой нѣжный пухъ.

Этотъ-то пухъ небесныхъ верблюжатъ особо теплый
весеннимъ живоноснымъ тепломъ и собираютъ потомъ
съ земли и ткутъ изъ него фуфайки.

— А какъ-же бѣдныхъ бѣдныхъ верблюжатъ такъ и
убьютъ?—Спросили меня съ безпокойствомъ.

— Чего ихъ убивать, ихъ погоняютъ, погоняютъ, пока
пухъ съ нихъ пообобьется, да и выпустятъ обратно въ
небо до слѣдующаго раза, а пухъ у нихъ отрастаетъ
въ одну минуту еще лучше прежняго.

На еловомъ поворотѣ.

Крѣпите снасти!
Нордъ-Вестъ!
Смѣльчакомъ унеслась
въ небо вершина
И стала недоступно
И строго
на краю,
Отъ ея присутствія — небо—выше.

Этого нельзя же показать каждому?

Прости, что я пою о тебѣ береговая сторона
Ты такая гордая.
Прости что страдаю за тебя—
Когда люди, не замѣчающіе твоей красоты,
Надругаются надъ тобою и рубятъ твой лѣсъ.
Ты такая далекая
И недоступная.
Твоя душа исчезаетъ какъ блескъ—
Твоего залива
Когда видишь его близко у своихъ ногъ.
Прости, что я пришелъ и нарушилъ—
Чистоту, твоего одиночества
Ты царственная.

ВЕСНА, ВЕСНА!

Какой смѣшной былъ верблюжонокъ—прилежный. Старательно готовился къ экзаменамъ и потомъ проваливался отъ застѣнчивости, да чудачества. А по зарямъ, чѣмъ-бы прилечь носомъ въ подушку,—украдкой писалъ стихи.

Отъ прилежанія отнималъ у себя радость первыхъ листьевъ въ весеннемъ небѣ. А не умѣлъ, чтобы брюки не вылѣзали изъ за пояса и чтобы рубашка не висѣла мѣшкомъ, и передъ чужими было бы ловко.

Не умѣлъ представится, что не хочетъ играть въ лаунъ-теннисъ,—и видѣли всѣ, что не умѣеть отъ застѣнчивости, и что хочетъ застѣнчивость скрыть и тоже не умѣеть, и мучительно зналъ онъ, что на самой спинѣ у него читаютъ, какъ ему невыносимо неловко... И онъ видѣлъ потому веселье чаще всего удаляющимся, или мелькающимъ вдаль сквозь деревья.

Да, но на днѣ зеркальныхъ озеръ ясныя журавлиныя нетронутыя зори. Одинокія чистыя небеса.

Когда верблюжонокъ смотрѣлъ на небо, въ розовомъ небѣ разливался родной теплый край.

* * *

О, полной чашей богато ты—сердце, во все повѣрившее.

* * *

Раздумьи—возвеличенныя одиночествомъ.

Поймутъ-ли это тѣ,—чья судьба всегда грѣться у чужихъ огней? Чужіе огни даютъ мало тепла:—и отъ нихъ часто прогоняютъ.

Объщаемся не опускать глаза, когда насъ встрѣ-
тятъ съ насмѣшкой тѣ, кого мы любимъ. (И тѣ кому
мы вчера вѣрили—или еще сегодня утромъ). Нѣтъ!
Мы примемъ ихъ насмѣшку въ тихіе, ясные, широко
раскрытые наши глаза и будемъ ее носить на груди
нашей, какъ орденъ, не скрывая.

Это насмѣшка того,—кому я хочу счастья...

Всѣ мои мечты да соберутся вкругъ твоей головы:
мечты счастливаго мечтателя,—вкругъ тебя мой бѣд-
ный, бѣдный насмѣшникъ.

* * *

Я глупъ, я бездаренъ, я неловокъ, но я молюсь
вамъ высокія елки. Я очень даже неловокъ, я—трусъ.
Я вчера испугался человѣка, котораго не уважаю. Я
изъ трусости не могу выучиться ѣздить на велосипедѣ.
У меня ни на что не хватаетъ силы воли, но я мо-
люсь вамъ высокія елки.

Я вчера доброй дамѣ, которая дала мнѣ молока
и бисквитовъ, не рѣшился признаться, что я—пишу
декадентскіе стихи, изъ мучительнаго страха,—что она
спроситъ меня, гдѣ меня печатають? И вотъ сказалъ,
что главное призванье моей жизни съ увлеченьемъ
давать уроки. Сегодня я отъ стыда и раскаянія—ко-
лочу себя

Я вчера кончилъ стихи совсѣмъ не такъ, какъ хо-
тѣлъ, но я зналъ, что надомной будутъ смѣяться..
Но вотъ всѣ пошли на гулянье къ вокзалу,—а я
молюсь вамъ высокія елки, безъ васъ я очень глупъ,
очень

E. Syp.

Вотъ, стоять цари, увѣнчанные свѣчами...

Въ свободной,—свободной высотѣ, надъ вѣнцомъ царей, пустой флагштокъ нѣжно сверлитъ голубизну...

Здѣсь я даю обѣтъ: никогда не стыдиться настоящей самой себя. (Настоящей, что пишетъ стихи, которые нигдѣ не хотятъ печатать). Не конфузиться, когда входишь въ гостинную, и какъ-бы много не было тамъ неприятныхъ гостей,—не забывать, что я поэтъ, а не мокрица...

И не желать никогда печататься въ ихъ журналахъ, не быть, какъ всѣ, и не отнимать жизни у животныхъ.

Почему я и это думаю?

Поэтъ—даятель, а не отниматель жизни... Посмотри, какой мѣръ хорошевькій,—вымытый солнцемъ и уже—вѣрить въ твое чувство и твои будущія писанія и глядить на тебя съ благодарностью...

Поэтъ даятель жизни, а не обидчикъ отниматель. И обѣщаю не стѣсняясь говорить эlegantнымъ охотникамъ, какъ-бы они ни были привлекательны, что-они подлецы—подлецы!!!

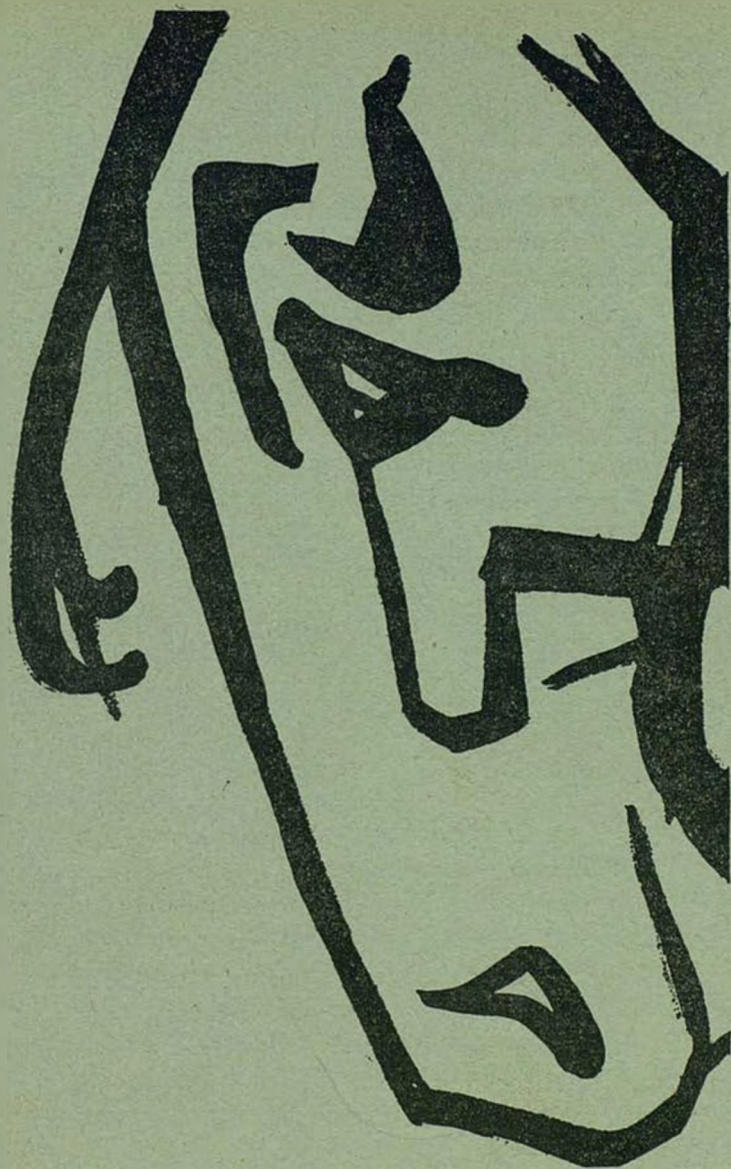
И пусть за мной—никто не ухаживаетъ, я сильна!

Но сдержу-ли я свое слово?... Сдержу ли я его?

Я сжимаю кулаки, но я одна и кругомъ величественно.

Это быстро у меня проходитъ

Моя рука подняла камушекъ и бросила... кружась спиралью онъ очертилъ арку надъ краемъ лѣса въ голубой странѣ... Онъ былъ всю жизнь на землѣ и вдругъ моя рука ему дала полетъ... Пролетая голубизну,—блаженствовалъ-ли онъ?

8. 世.

* * *

Развѣваются зеленыя кудри въ небѣ.
Небо смѣется.
Мчатся флаги на дачахъ,
струятся съ гордыхъ флагштоковъ,
плещуть въ голубомъ вѣтрѣ.

* * *

Вѣтрогонъ, сумасбродъ, летатель,
создатель весеннихъ бурь,
мыслей взбудараженныхъ ваятель,
гонящій лазурь!
Слушай, ты, безумный искатель,
мчись, несись,
проносишь нескованный
опьянитель бурь.

* * *

Поклянитесь однажды, здѣсь мечтатели,
глядя на взлетъ,
глядя на взлетъ высокихъ елей,
на полетъ полетъ далекихъ кораблей,
глядя какъ хотять въ небѣ островерхія,
никому не вѣряя гордой чистоты,
поклянитесь мечтѣ и вѣчной вѣрности
гордое рыцарство безумія,
и быть вѣрными своей юности
и обѣту высоты.

Вечеръ. Длинные, тонкія, чуть-чуть грустные полосы на небосклонѣ.

«Видите! надо иногда пройти босикомъ по крапивѣ Сказаль и смолкъ и самъ подумаль: «Ну чтожь значить надо». Думаль и покусываль пальцы. Жалѣль что сказаль.

Это былъ очень застѣнчивый чудакъ. Отойдя въ сторону надъ нимъ уже насмѣшливо смѣялись. Въ небо-склонѣ надъ плоскимъ пескомъ дюны, завинчивала чайка ржавую гайку. Сосны Калевалы побережья, взмахнувъ, отъѣхали. Не было плеска. И у берега лежалъ вечер-ній переполненный безмолвіемъ свѣтлый глазъ.

Мечтательная страна,
сѣверная сторона.
вечерняя сторона
безбрежный взоръ
великій и великодушный.

Въ небѣ была удивительно свѣтлая полоса. Онъ этого хотѣль такъ, и ему дѣйствительно приходилось за это ходить босикомъ по крапивѣ.. Потому она его и оставила.

Ей казалась стыдно и смѣшно, когда обожженная босая нога неловко невольно вздрагивала. А онъ былъ простодушный, онъ смѣло лѣзъ черезъ крапиву, боси-комъ. Но иногда у него отъ боли—смѣшно дергалась при этомъ нога.

Этого-то ему и не простили.

Бѣдная красивая барышня,—она не умѣла летать!

* * *

Отъ счастья лѣтняго рождаются слова! все хорошія слова:

Прудикъ, водикъ,
бродикъ,
верблюдикъ,
растерятикъ,
параходикъ.

А параходикъ со звонкой, красной Американской полосой сегодня утромъ видѣли съ балкона.

* * *

Ахъ! какая лодка! У нея веселій носъ крутыя ребра,—вся она веретенцомъ: бѣлая, съ красной и зеленой полоской. Идетъ и ныряетъ, ныряетъ носомъ: такъ и рѣжетъ волны: съ ней размечтаешься не на шутку,—летить! Перегони пароходъ! Ну ихъ! Поцѣлуй,—поцѣлуй синюю волну!..

Наше вамъ! очарованной бѣлой принцесъ—башнѣ маяка.

Ну, ныряй! ну еще!—еще!.. Ну,—еще-же! Зовутъ ее «Рыбка».

8. *Туро.*

00
1913
100

Лодочка.

Хоръ.

У него-ли рыбочка
Лодочка весна
Дотого-ли ходкая
Завидно ладна!

Онъ.

Рыбка моя лодочка
не посмѣй тонуть
Съ красной да полосочкой,—
ходкая мигнуть.

Хоръ.

Лодка лодка лодочка—
одного мигнуть
Не посмѣй рыбешечка
затонуть.

Онъ.

Ладна, ладна лодочка,
да во днѣ дыра
Подвела малюточка
къ рыбкамъ привела.

Хоръ.

Ахъ его-ли лодочка
да не хоть куда
до краевъ маленечко
тина, да вода.

Пѣсня о славныхъ калошахъ.

Да здравствуютъ гордыя калоши! Кто встрѣтитъ въ лѣсахъ Балтійскаго побережья пару калошъ, безъ человѣческихъ жалкихъ ногъ,—да узнаетъ—это вѣдь мои калоши. Они были слишкомъ славны и велики, слишкомъ велики—что-бы держаться на ногахъ. Возвышенныя! Счастливы тотъ,—кого назовутъ они другомъ,—на чьихъ ногахъ они согласятся путешествовать... Они всегда презирали меня.

Дождикъ, дождикъ, звени на крышахъ дачъ славную пѣсню о свободныхъ калошахъ!.. Они были такъ благородно независимы и салонно воспитаны,—что почти никогда не оставались въ передней... Нѣтъ!.. И я замѣчалъ это лишь тогда, когда они уже успѣвали достойно заслужить вниманье всѣхъ сидящихъ въ гостиной...

Я не завистливъ,—но на на нихъ всегда обращали—гораздо больше вниманія чѣмъ на меня.. Я не вынесъ соперничества...

И вотъ, одинокія гордыя немного увылыя—они—свободны. О, калоши, калоши, гордыя калоши сѣвера!

* * *

Эхъ ты! У тебя рубашка вылезла надъ поясомъ!
Хоть полпуда муки высыпай тебѣ въ рубашку.
Что разставилъ граблями пальцы—Эй ты, мямля!
Ну, что уставился, да еще раскрылъ ротъ!
Ты правишь лодкой?
Нѣтъ.

А лошадью?

Нѣтъ.

А дерешься?

Нѣтъ, право, оставь меня!

«Что-жь ты дѣлашь цѣлый день, длинная простофиля?»

Да, оставь, ну, не надо...

Эхъ, отколотилъ-бы тебя да жаль, и вдобавокъ ты король, это для тебя, собственно, и небо, и земля...

Да, ну, тебя, ты теперь такъ и простоишь розиня рогъ до самаго Покрова! Знаешь, что, дамъ-ка я тебѣ плепка прямо изъ милосердія, а то простоишь вѣдь— такъ, король, до самаго Покрова.

На песокъ.

Сосновыя шишки выбѣленные на пустынномъ пескѣ соленой водой и солнцемъ принимаютъ голубой цвѣтъ.

Въ каждой шишкѣ, въ разгибахъ ея согнутыхъ чешуйкахъ кристаллизованная буря. Упорный вѣтеръ,— кристаллы сѣвернаго настроенія. Они были собраны въ шапку и принесены домой,— вмѣстѣ съ раковинами улитокъ, сомнительно пахнувшими тинной, и хорошенькими сухими шариками, которые дома выброшены встрѣтившими, за свое явно заячье происхождение и за которые принесшіи былъ осмѣяны. Какъ— осмѣяны! Отбиваясь, онъ пробился сквозь кусты— оставивъ на сучьяхъ клочья тонкихъ волосъ и бросился какъ молодой жирафъ нелѣпыми шагами осмѣяннаго. Почему? Вѣдь заячьи шарики были сухія и очень хорошенькіе. Въ округленныхъ ямкахъ песку лежали какъ въ гнѣздышкахъ.

Ε. Τύπο.

* * *

Выплывали въ море упоенное
смѣлогрудые корабли.
Выплывали вскормленные
нѣжной прихотью весны.
Эхъ! лѣнтяй, лѣнтяй Ерема,
пролежалъ себѣ бока,
вѣтеръ свѣжій, скучно дома.
Небо нѣжная сквозина.

Ты, качай, качайся, лодочка,
у песчаной полосы,
за тобой змѣйки веселые,
отраженья зацвѣли.
Зацвѣли восторгомъ золотомъ,
звонко красной, полосой
за меня рѣзвися лодочка,
шалопаю велятъ домой.

Розовый вечеръ.

Вотъ въ розовомъ раю чисто выкупавшагося моря
заблестѣли и поплыли необъяснимыя зеленыя полосы.
И стало жаль ясности и того—чего нельзя выразить,
а объясненья не было. Поплыли полосы зеленаго мо-
лодого блеска и отвѣта не было. И все въ глазахъ не-
возвратимо и невыносимо стоялъ рай свѣта и воды.

Іюнь—вечерь.

Какъ высоко крестили дальнія полосы, вершины—
Вы царственные.
Раскажи, о чемъ ты такъ измаялся
вечерь, вечеръ ясный!
Улетѣли въ верхъ черныя вершины—
Изошли небеса небеса
О, чемъ ты, ты, изомлѣлъ—измаялся
Вечерь—вечерь ясный?

Пролежала дорога въ сторонѣ,
Не было въ ней пути,
Нѣтъ!

А была она за то очень красива!
Да, именно за то.

Приласкалась къ землѣ эта дорога,
Такъ прильнула, что душу взяла.

Полюбили мы эту дорогу
На ней поросла трава.

Доля, доля, доляночка!

Доля ты тихая, тихая моя.

Что мнѣ въ тебѣ, что тебѣ во мнѣ?

А ты меня замучила!

Вечерь.

Эта боль, когда сердце любовью разрывается въ
пространство—къ дереву, вечеру небу и кусту. И лю-
бить потому, что не любить, что не любить оно не
можетъ.

* * *

Море плавно и блеско
Летаютъ ласточки.
Становится нѣжно розовымъ.
Мокнетъ чалочка,
Плыветъ рыбалочка
Летогонъ, летогонъ,
Скалочка!

Что еще за скалочка? Это просто-такъ, я выдумалъ.
Это очень мило, Скалочка!—Скалочка! Это должно
быть что-то среднее между ласточкой и лодочкой!...

* * *

Дождики, дождики,
Прошумятъ, прошумятъ.
Дождики—дождики, вѣтеръ—вѣтеръ
Заговорятъ, заговорятъ, заговорятъ—
Журчатъ.

Я знаю, ты вѣришь въ меня. Ты вѣришь, что если я сижу нелѣпо цѣлый день въ лѣсу, уткнувшись глазами въ кочку, и будто ничего не дѣлаю, то это не спроста, не даромъ. Что если я говорю о неудачахъ, то это передъ самыми искренними усилями.

Ты вѣришь въ меня, ты вѣришь такъ, что умѣешь ждать за меня. Вѣришь, когда я самъ въ себя не вѣрю, и—когда вѣрю въ себя какъ въ Бога! Никогда ты не сердишься на меня за это! А люди вообще за это сердятся.

Ты вѣришь, дай тебѣ Богъ вѣтеръ родной и родную землю. На родной намъ землѣ ходятъ островерхія мохнатяя вершины. На родной намъ—лѣсныя дали безъ конца раскрываются, вершины острыя въ небо смѣльчаками умчались,—ходятъ по вѣтру надъ теплымъ картофельнымъ полемъ.

На родной намъ землѣ—иныя зори и иной—вѣтеръ.

Вдвоемъ.

— «Надо быть чистой искренной душой, чтобы — стать рыцаремъ.

— «Что-же ты дѣлаешь, чтобы исправиться?»

— Я по утрамъ выхожу къ молодой соснѣ, и мѣряю свое нынѣшнее ощущение чистоты съ ея высотой,—но это почти жестоко...

— И ты это мнѣ рассказал! Теперь я вижу какой ты...

* * *

Ты вѣришь въ меня?
— Я вѣрю въ тебя.—
А если они всё будутъ противъ меня?
Ну да, какой-же ты, я вѣрю въ тебя.
Если всё мои поступки будутъ
позорно противъ меня?
Я-же вѣрю въ тебя!

Въ небо улетаетъ, улетаетъ ласточка — кружится
отъ счастья. На дюнѣ пасмурно, сѣро и тихо.
Куличекъ льнетъ къ песку.

А д а ж и о.

На берегу дюны двѣ сосны имѣютъ форму чаши.
Бока золотой божеской чаши—нарисованы ихъ расхо-
дящимися стволами. Пока стволы возносятся вмѣстѣ,—
это ея подножіе. Верхніе края разогнуты въ облака
печальнымъ разгибомъ приморской страны. Въ клокочко-
ватой хвоѣ,—вихри.

Мы назвали эту чашу, чашей глубины, чашей за-
думчивости и вѣрности.

Этюдъ молодой сосновой рощи надъ возморьемъ.

Пасмурное сиреневое небо — вечерѣетъ, какія онѣ
стройныя!

Я васъ люблю за то, что вы крылатыя, а крылатость
ваша еще съ пушкомъ первой молодости. Этотъ пу-
шокъ золотистый, звенящій, а ваши крылья, ваши
крылья надъ моремъ.

Море синее и далекое — полоса до которой летать дерзновенья, а дальше — онѣ сливаются съ синими, и я не знаю дальше мечта или синь лежитъ.

И не надо, не все-ли равно! пушокъ юныхъ, крылатыхъ героевъ звенить, — а ихъ стройность иногда не много кривоватая, неожиданная, какъ ранній ростъ.

И примчались въ славу и высь въ свою родную страну, гдѣ задумались облака... и больше мнѣ ничего о васъ знать не надо, я вамъ вѣрю — зовете меня голосами отваги, они жгутъ меня какъ пламя чистоты, но вверху, вверху задумались облака надо мной:

Я иду, и больше мнѣ ничего знать не надо!

* * *

Спрашивалъ ты себя, — зачѣмъ, ты выходишь утромъ на опушку лѣса — и стоишь, тамъ и ждешь? Это мѣсто съ коричневой чистой землей, присоренной крупными иглами. Зачѣмъ это тебѣ надо? и въ то же время это тебя мучаетъ!...

Твоей душѣ тогда холодно. — Зачѣмъ тебѣ это любо?

— Вотъ сейчасъ «оно» откроется, тутъ-же въ молчаніи. Я понесу тогда это въ сердцѣ, боясь сказать о немъ слово. Откроется, то чего ждалось всегда въ равніа суровыя тишины!

Чего ждалось, чего никогда, еще не было но что близко — больно подходить и когда уже любишь его до слезъ — не настаетъ. И только это одно — стоять подвига.

Вотъ зачѣмъ выходить на край голыхъ, высокихъ, одивокихъ стволовъ -- и смотрѣть.

Зачѣмъ выходить на нетронутую, чистую землю лѣса и ждать

* *
*

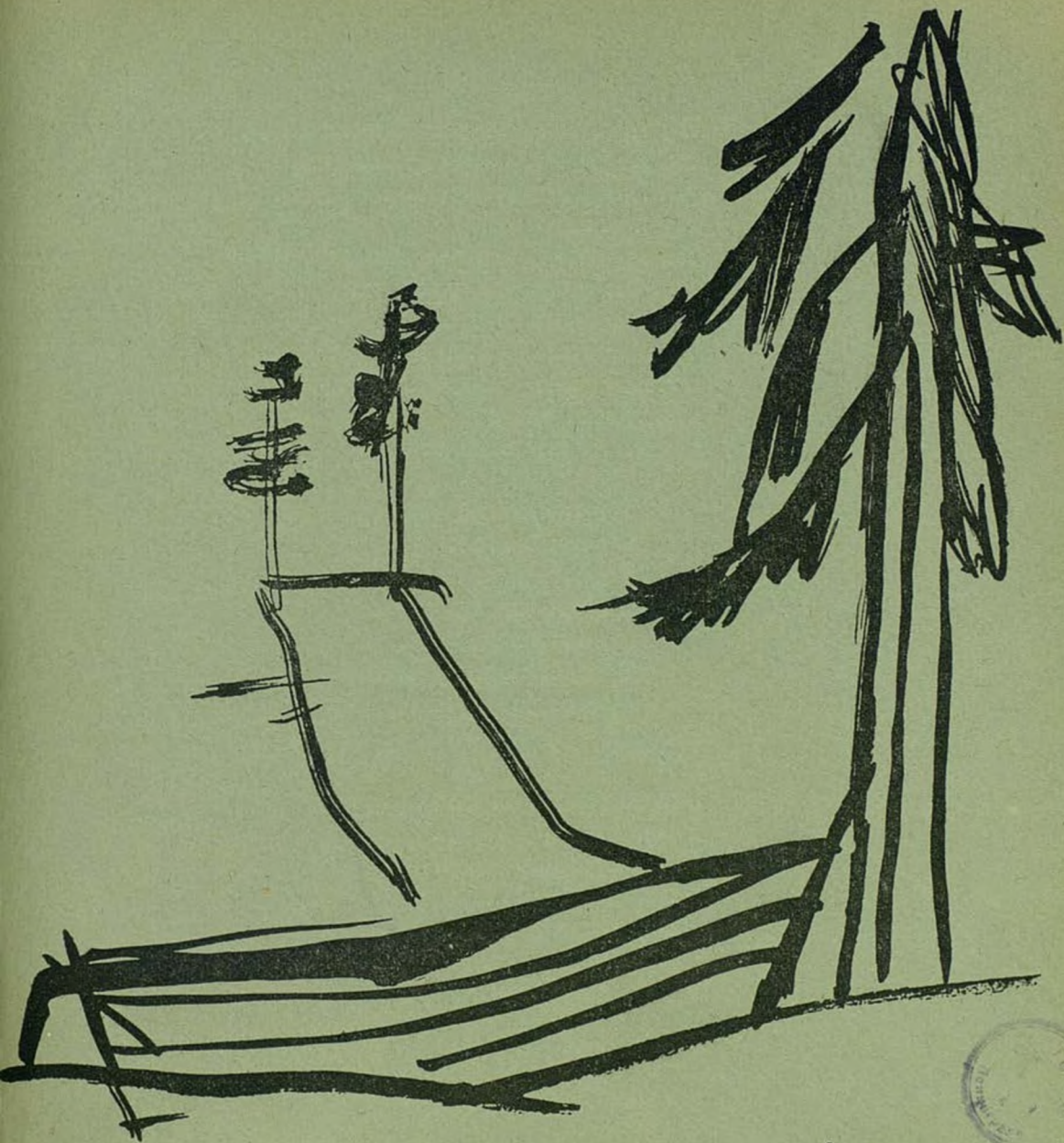
Гордо иду я въ пути.
Ты вѣришь въ меня?
Мчатся мои корабли
Ты вѣришь въ меня?
Дай Богъ для тебя вѣтеръ попутный,
Бурей разбиты они —
Ты вѣришь въ меня?
Тонуть мои корабли!
Ты вѣришь въ меня!
Дай Богъ для тебя вѣтеръ попутный!

Посвящается несрав-
ненному сыну его ро-
дины — Паси Яскеляй-
ненъ.

ФИНСКАЯ МЕЛОДИЯ.

Надъ нами, ффрачными, корсетными, крахмальными,
ты запѣлъ пѣсню родины.
Ты изъ насъ ффрачныхъ, корсетныхъ
выманилъ воздухъ морозный родины.
Вотъ изъ голой шейки дѣвушки
вышло озеро, задутое ивеемъ.
Вотъ изъ краснаго уха мужчины
вышло облако и часть лѣса,
а женщина выпустила изъ головы сосны,
а я дорогу и парня въ валенкахъ.
И пришелъ мохъ съ болота и морозъ.

Полетѣли по снѣгу дровни—Эхъ-на!
полетѣли цѣлиной—Эхъ-на!
черезъ ухабы поскакали—Эхъ-на!

8. Typo.

На мотивъ
„Alä' itke ätini“!
Не плачь мать
моя родная.

Ты не плачь не жалѣй меня, мама.
ты не портъ своихъ глазочекъ.
Далеко раскинулась дорога по бездорожью.
Не ломай руки!
Ты не портъ старые глазки!
У тебя сынъ не пропадетъ,
у тебя сынъ изъ можжевельника,
у тебя сынъ — молодой булыжникъ,
у тебя сынъ — молодая вѣточка,
а вѣточка молодая, пушистая
гнется и не ломится.

Ты не ломай руки, мама,
а бери ведро.
Я всегда за тебя носилъ воду.
Ты, не плачь, мама,
а возьми топоръ.
Я тебѣ топилъ тепло печку,
а у тебя для моего топорщика руки малы.

Эхъ-на! родная земля поетъ.
Вотъ поетъ дорога.
Дорогая моя — вотъ.
Вотъ и самъ я!
а я возжи взялъ,
эхъ, родина!
А я ружье взялъ.
Вотъ — и мать.

6. Typo.

Не тужи, не тужи, родная,
задулъ большой вѣтеръ —
не тужи, не плачь, мама.
Камень при дорогѣ сталь,
сосна шумить.
Вѣтеръ дальше, дальше погналъ окрестъ.
Не плачь, мама.
Родина, родина — земля,
одна ты — мать.
За тебя я ушелъ.
Не тужи, не тужи, родная,
не плачь, мама.

Молитва въ сѣрый день.

Пахнетъ нѣжно тинной, тинной. Всѣхъ море любить.
Близко грѣетъ Божья воля. Богъ, создавшій эту дюну,
Богъ, Покровитель, помоги мнѣ — я нехитрый. Боже
вѣрный сѣрой дюны, ты бережешь твоихъ сѣрыхъ
птичекъ на пескѣ. Я нехитрый, а враговъ у меня
много. Я вродѣ птицы, помоги мнѣ.

Н о ч ь.

Ночью таяло. Небо стояло совсѣмъ раскрытое.
Шелъ дождикъ. Нѣтъ, капалъ туманъ. У фонарей на-
висали, мерцая, почки на почти невидимыхъ голыхъ
прутьяхъ. Распускалась весна. Едва-едва повѣрила
душа и стояла совсѣмъ обнаженная, добрая и глубоко
повѣрила всему. Всякій могъ ее ранить, если-бъ не
укрывала ее тайна ночи. Была съ весной. Паръ под-
нимался, землей пахло, шелъ дождикъ.

В е с н а .

Къ рѣшеткѣ сіяющей зелени подошелъ прохожій. Похожъ на дворянина изъ Ламанча тѣмъ, что длинный, несуразный съ нѣжнымъ выраженіемъ лба и кистей рукъ. Но съверъ далъ ему свѣтлые волосы и глаза. Одѣтъ онъ теплой фуфаечкой.

Остановился, руку положилъ на рѣшетку. Смотрѣлъ, смотрѣлъ, не отрываясь на зелень. Запачкалъ ладонь пылью. Потеръ о панталоны. Оторвался, пошелъ своей дорогой.

Я мечтаю—если бы въ такой точно вечеръ подошелъ къ моей калиткѣ несуразный прохожій, и сразу безъ мученья прочла я въ добрыхъ глазахъ, что ему здѣсь хорошо. Больше ничего. Думаю впередъ и найду самые разные способы приласкать одинокихъ. Узнаю гдѣ нибудь живетъ человѣкъ съ нѣжнымъ весеннимъ лбомъ, и поплю ему шарфъ нѣжной шерсти сиреневыми полосками или бѣлый ягнячій и буду радоваться, что мой нѣжный шарфъ ему ласкаетъ шею.

Такъ водянистый вѣтеръ дышалъ несбыточнымъ весеннимъ и нетерпѣливой становилась душа.

С.-Петербургъ.
Май. 1911 г.

УТРО.

Окружной аллеюкой пробѣжалъ мальчикъ и гналъ серсо.

.....

Почему не выражаю то, отчего изнываю восторгомъ. Какъ найти мои настоящія дорогія мысли. Чтобъ не сочинять мнѣ чужого и случайнаго. Вѣдь доходитъ же до меня весеннее. Пробѣжалъ мальчикъ; на плечахъ у него блузочка съ полосками; и я поймала мгновенный божественный скрипъ серсо о песчаную дорожку.

Въ глубинѣ папортники тонкими змѣйками зеленили черную землю къ водѣ. Новая кадка отмокала розовымъ свѣжимъ деревомъ. Надъ ней въ сквозной ивкѣ пѣла, точно нѣжнымъ небомъ прополаскивала горло, птичка.

И души деревьевъ весной такъ недосыгаемо-чисты, унесены въ высоту, что люди внизу мучаются и кажутся себѣ невыносимыми.

Боже, чтобъ не заниматься мнѣ вѣчно чуждымъ, не сыпать чужихъ красивыхъ словъ, да еще со слезами энтузіазма въ глазахъ. Помогите мнѣ. Вѣдь это самоубійство.

Сосновая кадка, синій подсыѣжникъ, повикпій застѣнчиво. Отъ синева его больно. Боже, избавь меня отъ чужой красоты, я же въ глубинѣ прямая и горячая. Затѣмъ синій, нѣжный, въ травѣ, уйдетъ небласканный, его красота невыносимо — весенняя уйдетъ незапечатлѣнной, жертва времени и чей-то плоскости. а я останусь виноватой со словами чужой холодной

красоты на губахъ. Точно не дошли до меня небо и свѣтъ зелени.

Вѣдь это же убійство твоего земного зеленого счастья. Это же убійство. А межъ тѣмъ у какихъ-то мохнатыхъ цвѣточковъ; переходъ лепестковъ изъ сиреневаго въ розовое былъ порукой высокаго назначенія жизни—бездонной искренности и чистоты. И мохъ немного отзывалъ теплой землей въ своемъ бархатѣ.

И душа томится отвѣтственностью за уходящія мгновенія.

.

Вечерь. Высота свѣтла. Смотрю на возносящійся стволъ тополя.

Зачѣмъ такъ тяжело? И я не понимаю гдѣ же наша глубина? Почему уходимъ отъ нее? И теряемъ свою глубину и съ ней свой настоящій голосъ. И больше не найдемъ дорогъ?

Ты священный тополь, посылающій въ небо безгранично вѣтви. Всегда гордый, всегда правый, всегда искренній. Ты правда неба—жертвоприношеніе глубины. Духъ величія.

А въ тонкихъ кристалльныхъ березахъ знаки безсмертной жизни. Знаки, что кинутыя здѣсь отрывки встрѣчъ и разлукъ будто минутныя, полны значенья—вѣчно и вѣрно.

Ну пусть. Вы вѣрно знаете недостижимыя, почему я здѣсь наказана неумѣньемъ. Вѣроятно это такъ.

С.-Петербургъ.
Май 1911 г.

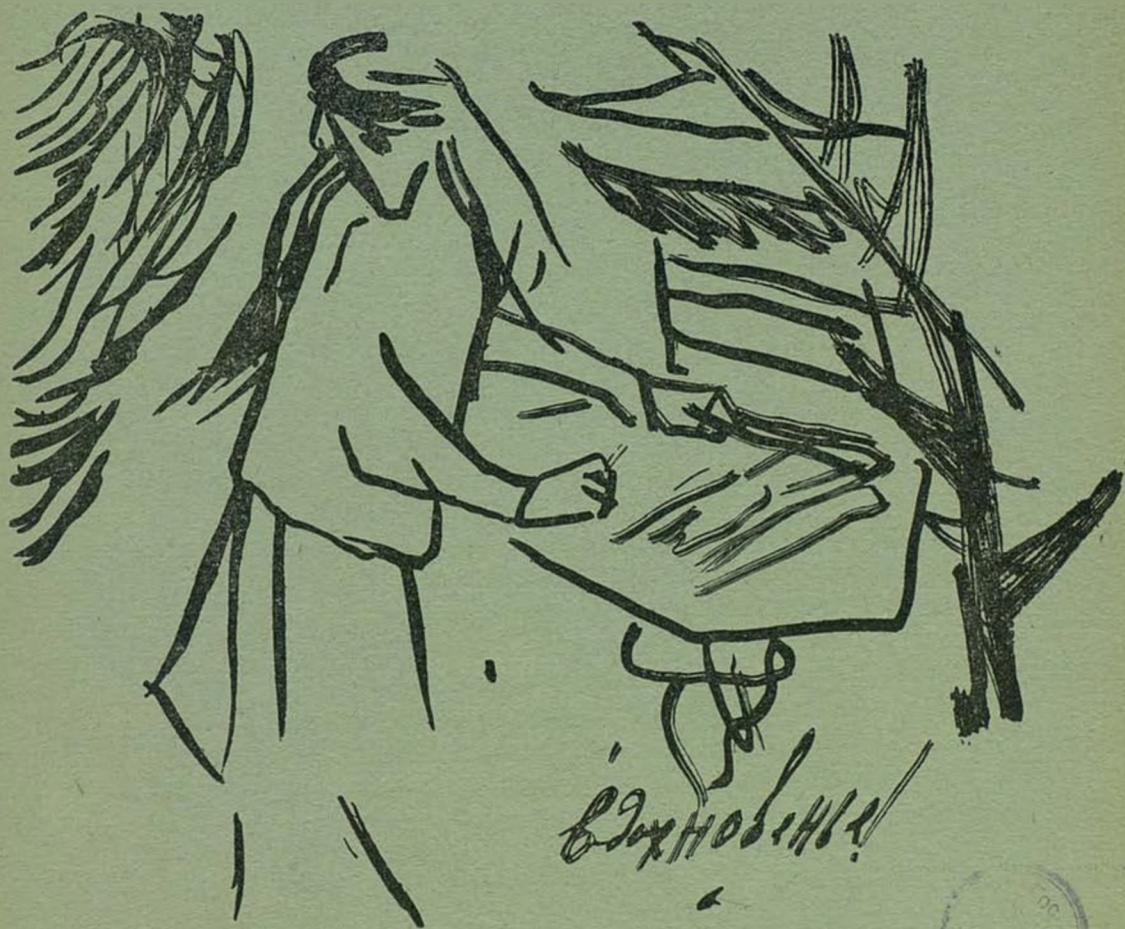
Посвящается М. М.

* * *

Липнулъ къ слѣдкамъ песокъ на протаявшей дорожкѣ. Желтой, желтой. Въ крошечной будущей булочной, будущей здѣсь дачной жизни, въ двухъ окошочкахъ два картонныхъ пѣтуха раскрашены ярко. Смотрятъ на дырчатый снѣгъ. На похиленныхъ вершинахъ протянулась музыка Рахманинова. Мы, вѣдь мы?! Взявшись за руки! Здѣсь будущее—настоящее. Лѣтомъ зазвучитъ, заблеститъ. Ждутъ двѣ вывѣски: булочной и аптеки. Отразилось небо. Онѣ уже въ будущемъ тоже несутся. Онѣ—стихи. Стихи Крученыхъ пахнутъ новымъ лакомъ. Мы это—мы!

Весело. Мечты. Сижу въ дачѣ. Сижу на досчатомъ полу, подъ окномъ. На громадномъ листѣ сѣрой бумаги рисую музыку Рахманинова, разметавшуюся вѣтвями, а за окнами будетъ бѣгать дорожка, липнуть къ слѣдамъ песокъ.

Поселимся тутъ? Хочешь? пока не ушелъ снѣгъ!

Е. Тиро.

Разложили костеръ на корняхъ и выжгли у живой сосны сердцевину.

Кто? не знаю.

Дерево съ тяжелой кудрявой головой, необъятной жизненной силы—держалось на трети древесины, уродливо лишенное гордаго упора и равновѣсія.

Было очень тихо. Обреченное на медленную смерть, дерево молчало. Несомнѣнно оно знало, что ему сдѣлали,—и окружавшіе его товарищи молчали. И было непріятно и тяжело видѣть выраженіе его головы съ могучими сучьями, какъ тяжело видѣть среди жизни очень здороваго человѣка, котораго временно отпустили, но черезъ срокъ неизбежно назначено повѣсить и онъ это самъ знаетъ, и окружающіе, и всѣ молчатъ...

Назадъ шель вырубкой.

Злобишься-ли ты лѣсъ, когда вершины, что привыкли ходить въ небѣ,—слушать сказанія созвѣздій и баюкать облака,—падаютъ о земь и оскверняются человѣкомъ? Нѣтъ, ты переросъ возможность злобы. Я такъ же переросъ мою злобу, но мнѣ очень тяжело.

НѢЖНЫЙ ДУРАКЪ.

Жиль среди неукротимыхъ бурныхъ и гордыхъ вершинъ человѣчишка: слабоватенькій, вялый, съ милыми глазами—грязноватенькій, потноватый. Заглядывался на цвѣты, на деревья, на звѣды. Немного боялся, небойсь, грозы и любилъ ее. Вихорокъ у него былъ на лбу, какъ у молоденькаго жеребенка начинающаяся челка. Болѣлъ, хирѣлъ, хворалъ, зябнулъ. Блохи его обижали, ни съ чѣмъ онъ не умѣлъ справиться. Любилъ тепленькую ванну, какъ дѣтямъ дѣлаютъ. Въ то время, какъ его ласкала вода,—онъ думалъ:

«О чемъ говорить вѣтеръ. О чемъ говорить. Какъ хорошо».

Елки сказали: «кивнемъ ему въ окно. Онъ все одно, что ребенокъ».

А тому, у кого онѣ закачались передъ окномъ темной осенней ночью—снятся сны. Всю жизнь потомъ снятся. Онъ часто оставался одинъ. Онъ очень любилъ людей, слишкомъ къ нимъ привязывался, вихорокъ у него былъ нѣжный, а пришлось оставаться одному.

Ахъ, кому вѣвчанныя вершины кивнули въ окно.

ДАЧА СЪ ПРИЗРАКАМИ.

Когда мы подходили къ ней, сквозь ея заброшенный видъ повѣяло намъ, что она кѣмъ-то полна. Чья-то грусть надъ нею склонила крыло и непріятны были разбитыя стекла чердака...

Когда въ послѣднюю комнату вошли, тамъ еще присутствовали тѣни. Пустыя кресла стояли по стѣнамъ и пусто и пыльно было выпвѣтшее сукно стола. Невидимая душа ждала здѣсь вѣстей слишкомъ длинное глухое время, и была тяжесть на всемъ.

Вышли на верхній балконъ. Молодой и свѣтлый соскользнулъ съ перилъ и растаялъ. И береза слегка выступила впередъ и, унесенная, словно гимнь, открыла аллею встрѣчи, вѣнца и шествія и юнаго торжества!

Такъ было прежде. На гору изгибомъ дорожки межъ веселаго вереска проходилъ онъ — юный Геній. Тогда отвѣчали отовсюду изъ оконъ и балконовъ струны.

Но давно уже никто не шелъ. Заросшей площадкой была оборвана струна, и въ дорожкѣ что-то запустило и некуда было ей вести. И надъ радостью встрѣчь прошли года, и стоялъ надъ всѣмъ въ пустомъ небѣ запрещающій Знакъ.

Когда мы оглянулись уходя, выше балкона и крышъ летѣла сухощавой вершиной чахлая сосна, гдѣ-то высоко надъ всѣмъ качалась въ пустомъ бѣломъ небѣ. Въ этомъ былъ тайный призракъ суровыхъ протекшихъ бурь. Чьи-то сжатые губы чудились намъ, когда вспоминался дикій гранить внизу дома.

А въ сторонѣ, въ круглой ротондѣ, пировали еще раздвинутыя скамьи. Послышался юный застольный гулъ и арки павильона звучали заздравнымъ смѣхомъ.

Внизу павильонъ заглохъ высокой крапивой. Она зашуршала, когда обходили кругомъ.

* *
* *

Я хочу изобразить голову бѣлаго гриба; умной и чистой, какой она выпла изъ земли, захвативъ съ собою часть планетной силы. Стѣны и крышу финской виллы, какой они выглянули изъ лѣсной горы, омыты удаленностью на высотѣ къ облакамъ.

Облако надъ горой, какимъ она стало, переплывъ свѣтлую небесную сферу.

Лбы звѣрей, освѣщенные бѣлою звѣздочкой: такъ ихъ создало живое Добро дыханія.

И моего сына, съ тѣхъ поръ, какъ онъ сталъ похожъ на иву длиннымъ согнутымъ станомъ, а поникшей мило прядкой волосъ на лбу—на березу, а свѣтлыми глазами на молодую лиственницу, вонзившуюся вершиной въ небо.

Только онъ еще добрѣе ивы: на немъ вмѣсто коры нѣжность—и свѣтлѣе лиственницы. Онъ смѣется надъ собой. Его прикосновење благословляетъ вещи.

ЕКАТ. НИЗЕНЪ.

ПЯТНА.

Надо-бы жить всегда такъ, чтобы, когда выходишь на улицу, могъ быть одинъ удивительный поворотъ, котораго обыкновенно не бываетъ; а за нимъ мостикъ... А за мостикомъ могутъ уже быть и корридоры, или комнаты, или двери. Это не важно.

Она ужасно растерялась, когда ее спросили объ Ибсенѣ. Споткнулась? Уменьшилась? Вошла въ платье? Упала сверху? Нѣтъ, собственно, не упала, но—правда — пришлось держаться за муфту и уже идти какъ всѣ. Она ничего не поняла, только это было ужасно смѣшно и удивительно ненужно. Сначала они шли и молчали. Не знаю, впрочемъ, какіе, тамъ, шли по улицѣ. Но были сразу всѣ улицы, всѣ дома, всѣ повороты, и даже то, что за городомъ, и даже то, что вчера, и все, что можно было подумать, и сказать, и захотѣть. И когда пришлось отвѣчать объ Ибсенѣ, она ужасно растерялась и безпомощно распустила губы. Ну, что-же ей было дѣлать? Какъ-же ей было объяснить, что онъ испортилъ пятно, что они были очень большіе сейчасъ и неслись удивительно. Надъ городомъ. Такіе были большіе, что могли говорить домами и поворотами. И потому вотъ она и не умѣетъ ничего объ Ибсенѣ, совсѣмъ ничего не умѣетъ...

...И почему та, вторая, опять стояла у дверей? На ней было потертое и сырое платье, и она протягивала руку. И почему она всегда просит и протягиваетъ руку, и не входитъ въ Вашу комнату? Почему она всегда остается у двери, какъ нищенка? Я ее ненавижу за это. И комнату Вашу ненавижу... И не могу я быть у Васъ королевой, когда та моя, вторая, стоитъ у двери и проситъ. Но это такъ, между прочимъ. Не стоять.

Чтобы какъ-нибудь можно было жить въ новой комнатѣ, я придумала ей лицо: что-нибудь полукруглое, бѣлое и деревянненькое. Полукруглое, чтобы связалось съ широкими старыми стеклами, а бѣлое,— чтобы особенные могли приходиться съ балкона, когда стемнѣетъ, а деревянненькое, чтобы можно было все же спокойно ѣсть и смѣяться, вообще, чтобы попроще. И для этого еще на столъ я поставила плоскую стеклянышку съ зеленымъ, а въ нее прутики,—вышла весенняя лужа. И тогда всѣ столы и стулья очень обрадовались и сразу стали на мѣсто. И теперь они такъ ласковы ко мнѣ и такъ внимательны, что иногда нельзя заниматься. Но зато я успокоилась. Это несомнѣнно продолженіе зелено-оконнаго пятна (пусть, пусть, расцвѣтаетъ, я такая покорная!) и даже не городского, пожалуй. Хорошо. Я такъ боюсь лилово-коричневыхъ пятенъ.

«Надо-бы устраивать имъ праздники иногда». Я такъ подумала.

Мы всегда держимъ въ рабствѣ свои вещи. Изю дня въ день они стерегутъ объѣдки, слушаютъ скуч-

ное, видятъ только усталое и ненужное. Передъ ними, вѣдь, не стѣсняются. И вотъ, лица ихъ выцвѣтаютъ, становятся брезгливыми и раздраженными. Тогда мы ихъ ненавидимъ.

Съ ними очень непріятно, когда они враги,—надо держаться въ себѣ и смотрѣть на все и жить только черезъ себя. Это очень утомительно и однообразно. Но когда они друзья, то живутъ и они, и все самое обычное становится, какъ знакъ, и открывается такая дверь, что можно выйти изъ себя и жить гдѣ-то между вещами и словами. Можетъ быть и такъ, что живутъ они, а я просто дѣлаюсь большая. Почти застываю, такая большая. Но только это хорошо. Когда мнѣ весело, это, какъ потокъ: они всѣ такіе большіе и тяжелые, и всѣ срываются съ мѣсть, какъ безумное стадо. И когда меня ждетъ горе, они заранѣе говорятъ мнѣ объ этомъ. И когда я люблю, они поютъ, они расцвѣтаютъ неожиданно... А я только удивляюсь. Я всегда узнаю про себя послѣдняя.

...А если-бы они приказали убить?... Не знаю, ничего я не знаю. Но можетъ-быть очень разны дороги къ самому себѣ.

...А если-бы всѣ люди были, какъ добрыя вещи? Можно было-бы жить въ нихъ, какъ въ вещахъ? Сразу во всѣхъ?... Не знаю. Я ничего не знаю. Но людей труднѣе любить. Они берутъ такъ много.

А вчера Она показала мнѣ окно. (Есть у меня такая Она). Или сама стояла за окномъ, я не знаю. Я быстро шла по темной комнатѣ и говорила о чемъ-то пустяковомъ. И вдругъ окно стало необычнымъ. Я

такъ и остановилась, потому-что это было, какъ въ дѣтствѣ, какъ сказка, какъ самое несбыточное. А еще недавно,—были три ступеньки изъ фруктовой наверхъ. Сыпалась изморозь, и онѣ потемнѣли. Я поднималась очень медленно, потому-что устала. И вдругъ меня удивило ихъ лицо,—какъ-будто онѣ давно меня знали. И когда я поднялась на улицу, городъ тоже какъ-будто узналъ меня, хотя я очень смутилась. Городъ разступился для меня. Я можетъ-быть была очень незамѣтная и некрасивая, но весь городъ былъ для меня, какъ раньше... А еще недавно,—вода бѣжала въ шайку совершенно такъ-же, какъ она бѣжала когда-то давно. И тогда оказалось, что все, что, было, и что еще будетъ—уже сліянно. И съ такой радостью, и съ такой побѣдой звенѣла вода, что это было чудо.

И все это дѣлаетъ Она.

...Кругъ. Все коричневое, грязное и покрашенное. И запахъ тяжелый. Внизъ доски. Но обрываются неприятными краями, и снизу просвѣтъ. Сверху свѣта очень мало... Вотъ если я увижу когда-нибудь такое лицо жизни... Нѣтъ, я не хочу. Какое все это было несомнѣнно покрашенное. Только покрашенное, и грязное—и ничего больше. Ничего. И это было страшнѣе смерти.. И если взять каждую вещь и до бѣшенства ярко представить, что за ней ничего нѣтъ,—становится всегда страшно. Всякая вещь становится тогда мертвой и страшной.

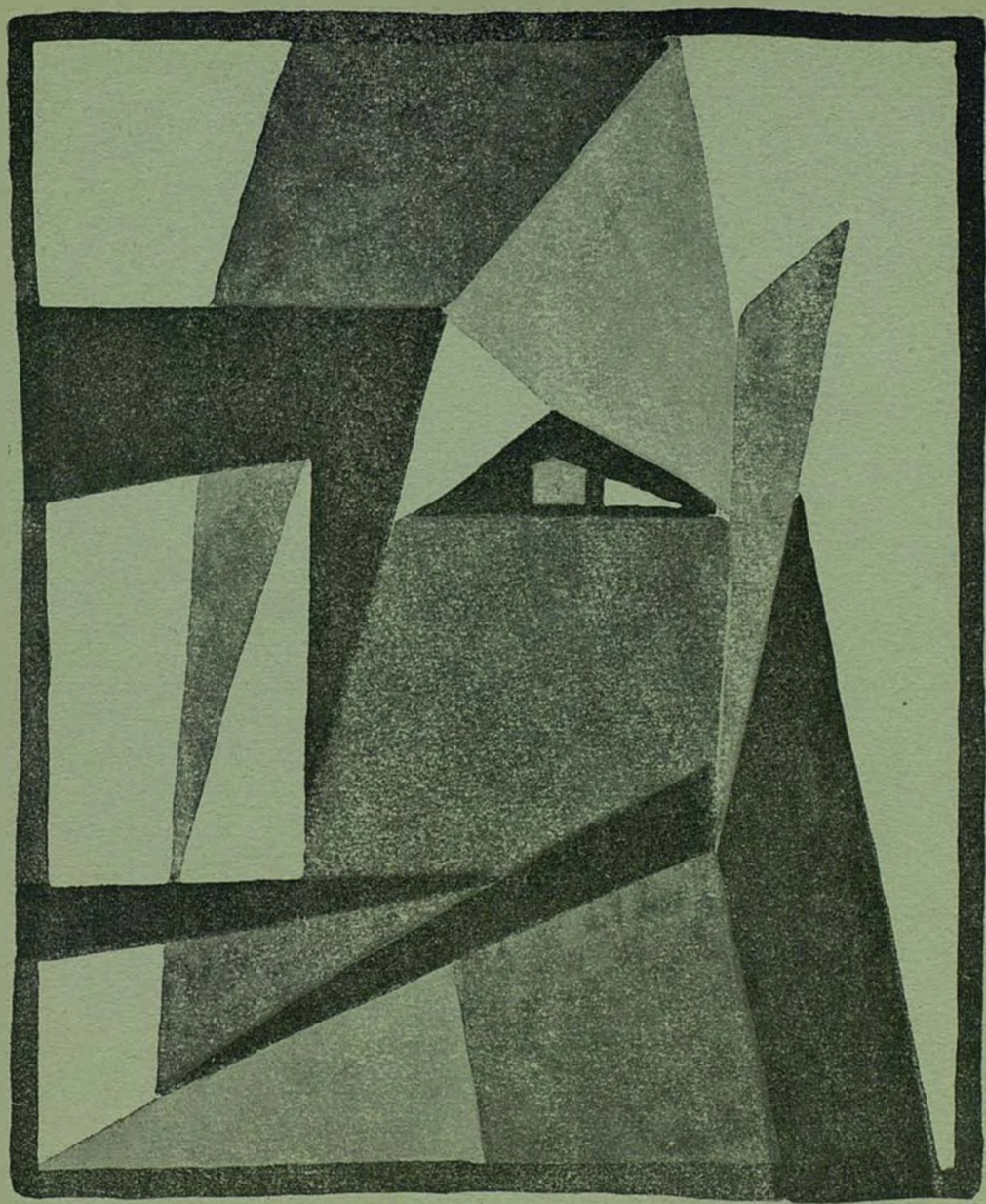
Только этого не надо дѣлать. Это убиваетъ вещи.

Хочу умереть.

„Хочу умереть
И въ русскую землю
Зароютъ меня!
Французскій не буду
Учить никогда!
Въ нѣмецкую книгу
Не буду смотрѣть
Скорѣе, скорѣе
Хочу умереть!“
И въ темной могилкѣ,
Какъ въ теплой кроваткѣ,
Я буду лежать,
Страшась и боясь
А смерть надо мною
Все будетъ летать,
Порхая, кружась.
Но страхъ я забуду,
Какъ только скажу
Слова роковыя,
Опять повторю:
„И въ русскую землю
Зароютъ меня.
Французскій не буду
Учить никогда.
Въ нѣмецкую книгу
Не буду смотрѣть.
Скорѣе, скорѣе
Хочу умереть“.

Въ цвѣты полевые одѣта
Богиня весенняго дня
Идетъ къ намъ въ предвѣстїи лѣта
Изящна, какъ нимфа, весна.
Одною рукою разсыпаетъ
Цвѣты на пустыя поля
Другою рукою бросаетъ
Добро въ молодыя сердца.
Такъ скромно ландышъ расцвѣтаетъ
Тутъ, въ уголокъ, въ моемъ саду
Головку тихо опускаетъ
На грудку свѣтлую свою.
И думы въ бѣленькой головкѣ
Все роятся какъ стая пчель.
Онъ думалъ тихо о красоткѣ.
Ее старикъ увель.
Малютка бѣгала, играла
Не скучно было ей одной.
Она какъ птичка щебетала.
И такъ мила была собой.
Дитя увидѣло цвѣточекъ
И подошло къ нему тотчасъ
И словно кроткій голубочекъ
Пощеловало еще разъ.
Съ тѣхъ поръ цвѣточку все казалось,
Какъ будто бы всегда надъ нимъ
Малютка тихо наклонялась
Шепча: „Не бойся, ты любимъ“.

Малороссїянка Милица 13 лѣтъ.

В. Бураковъ.

Издательствомъ «ЖУРАВЛЬ»

изданы слѣд. книги:

Шарманка Е. Гуро.

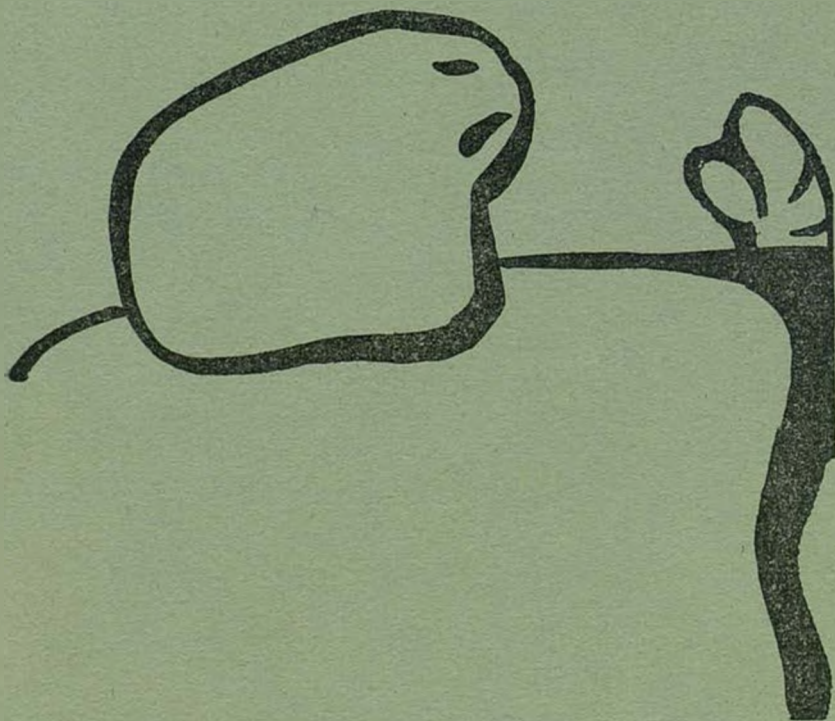
Садокъ Судей I-й.

Осенній Сонъ Е. Гуро.

Садокъ Судей II-й.

Складъ изданій:

Апт. Ост., Песочная, 10, кв. 3.

Б. Буря.

1913 г.

7949

1888

